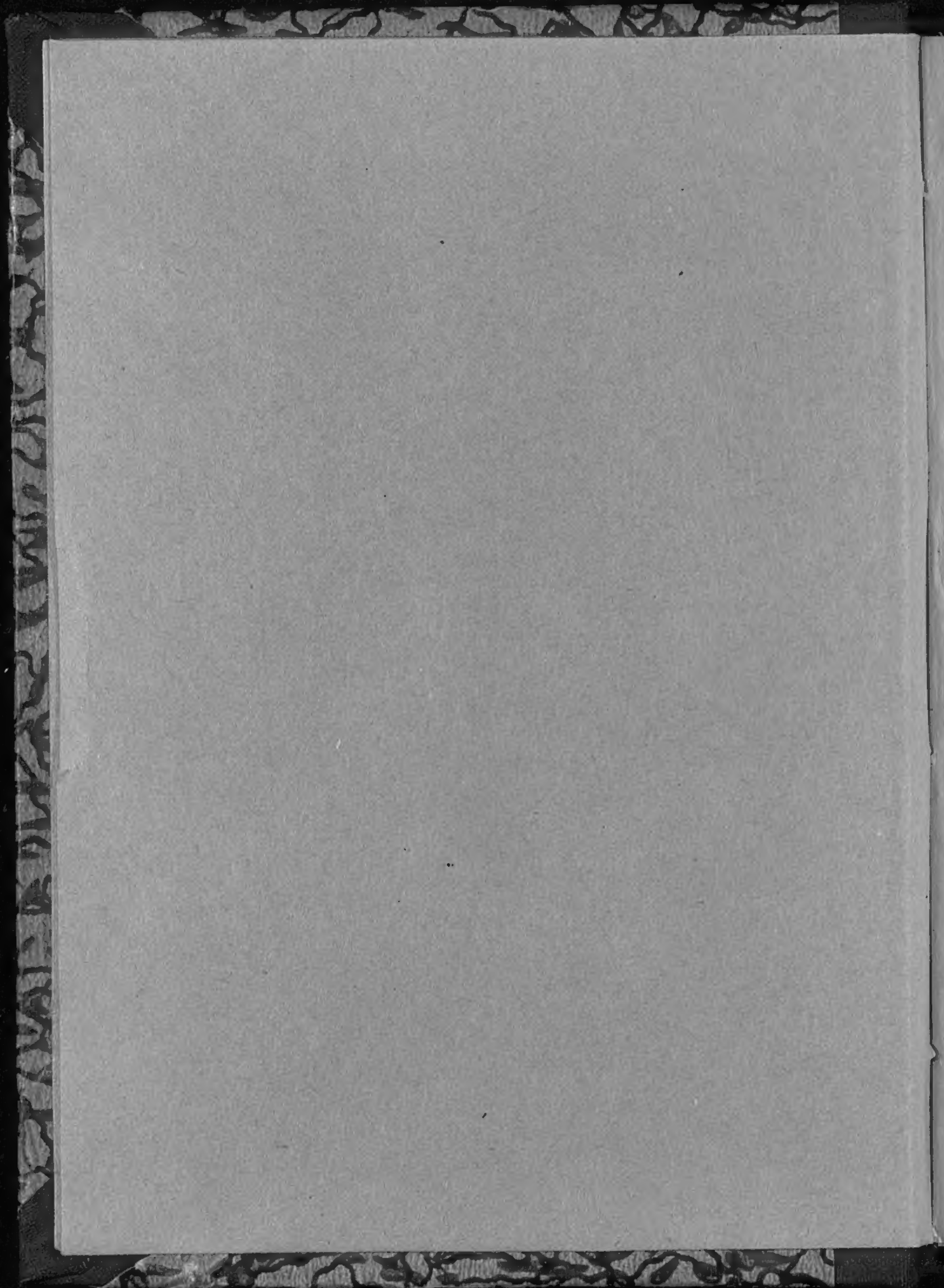
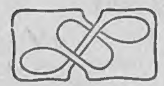

С. Кузминъ

ВОЙНА НАРОДОВЪ

(Психологическій очеркъ)

Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ.
Александръ Невскій.

Типографія Петроградской тюрьмы, Арсенальная наб., № 5.

Отъ издателя.

Въ грозные дни испытаній, которые переживаютъ въ настоящее время всѣ культурные народы міра, въ эпоху, которая справедливо можетъ быть названа Войной Народовъ, всѣ мысли и чувства сосредоточиваются прежде всего на войнѣ.

Война заставляетъ подводить итоги всему пережитому, она является верховнымъ судомъ для народовъ, экзаменомъ его національныхъ силъ, только она вызываетъ полное напряженіе всѣхъ духовныхъ сторонъ человѣка, особенностей его воли, напряженіе всѣхъ его душевныхъ силъ. Побѣждаетъ сильнѣйшій, выдержавшій это тяжелое испытаніе духа.

Вотъ почему является особенно важнымъ опредѣлить душевныя силы воюющаго народа, стремленія его духа, выяснить какъ развивался этотъ духъ, подъ вліяніемъ какихъ

ученій, чтобы опредѣлить тѣ душевныя національныя силы, которыми вооружены воюющіе народы.

Это и является главною темою настоящаго очерка.

Авторъ не подсчитываетъ матеріальныя силы воюющихъ государствъ, это въ настоящее время въ достаточной степени уже извѣстно обществу изъ обзоровъ періодической печати.

Авторъ сопоставляетъ нравственныя силы Россіи и враждебныхъ ей странъ Австріи и Германіи.

Изъ краткаго, но всесторонне охватывающаго данный вопросъ психологическаго очерка, изобилующаго матеріаломъ, сгруппировывающимъ въ одно цѣлое безъ всякой тенденціи и пристрастія выводы славянскаго и германскаго философскаго міровоззрѣнія, общественнаго и научнаго теченія мысли, ясно вырисовывается отношеніе къ войнѣ германскаго и славянскаго міровъ, облегчая возможность предусмотрѣть не только дальнѣйшее проявленіе духа воюющихъ народовъ, но и предугадать тѣ послѣдствія, къ коимъ неминуемо должна привести настоящая Война Народовъ.

Настоящій очеркъ принадлежитъ перу

автора извѣстной книги *„Война во мнѣніяхъ передовыхъ людей“*, выдержавшей нѣсколько изданій и всесторонне разобранной критикой. Вся повременная печать отнеслась крайне сочувственно къ этому капитальному труду. Начиная съ „Новаго Времени“, „Московскихъ Вѣдомостей“, „Мирнаго Труда“, издающагося въ Харьковѣ и кончая прогрессивными журналами „Міръ Божій“, „Русское Богатство“ и другими, этой книгѣ были посвящены обстоятельные критическіе очерки, значительно способствовавшіе широкому ея распространенію.

Крайне сочувственно отнеслась и провинціальная печать, посвятившая изданію *„Война во мнѣніяхъ передовыхъ людей“* на страницахъ „Кіевскаго Слова“, „Донской Рѣчи“, „Пріазовскаго Края“ и др. рядъ передовыхъ статей и библіографическихъ замѣтокъ. Не оставила его безъ вниманія и спеціальная печать: въ „Вѣстникѣ Министерства Юстиціи“, „Море и его жизнь“ и др. также были напечатаны одобрительныя рецензіи.

Но лучшимъ отзывомъ безпристрастія автора, явилось письмо, на его имя, великаго писателя земли русской графа Л. Н. Толстого, уже бывшее въ печати, въ которомъ графъ Толстой сообщалъ, что „нашелъ много новаго въ этой интересной книгѣ, несмотря на то,

что всю жизнь занимался этими вопросами“.

Мы увѣрены, что издаваемый нынѣ психологическій очеркъ С. К. Кузмина, являющійся отдѣльнымъ самостоятельнымъ трудомъ, встрѣтитъ столь же сочувственное отношеніе со стороны печати и критики, разрѣшитъ не мало задачъ, томящихъ русское общество, и еще ярче засвѣтитъ въ русскомъ сердцѣ чистый лучъ глубокой вѣры въ наши силы и правду, въ нашу окончательную побѣду.

В. Е. В.

Австрія и Германія.

Достаточно нѣсколько ума и умѣнья владѣть собою, чтобы отвратить войну.

Францъ Іосифъ.

Война не нуждается ни въ какой побудительной причинѣ. Она истекаетъ изъ самой человѣческой природы.

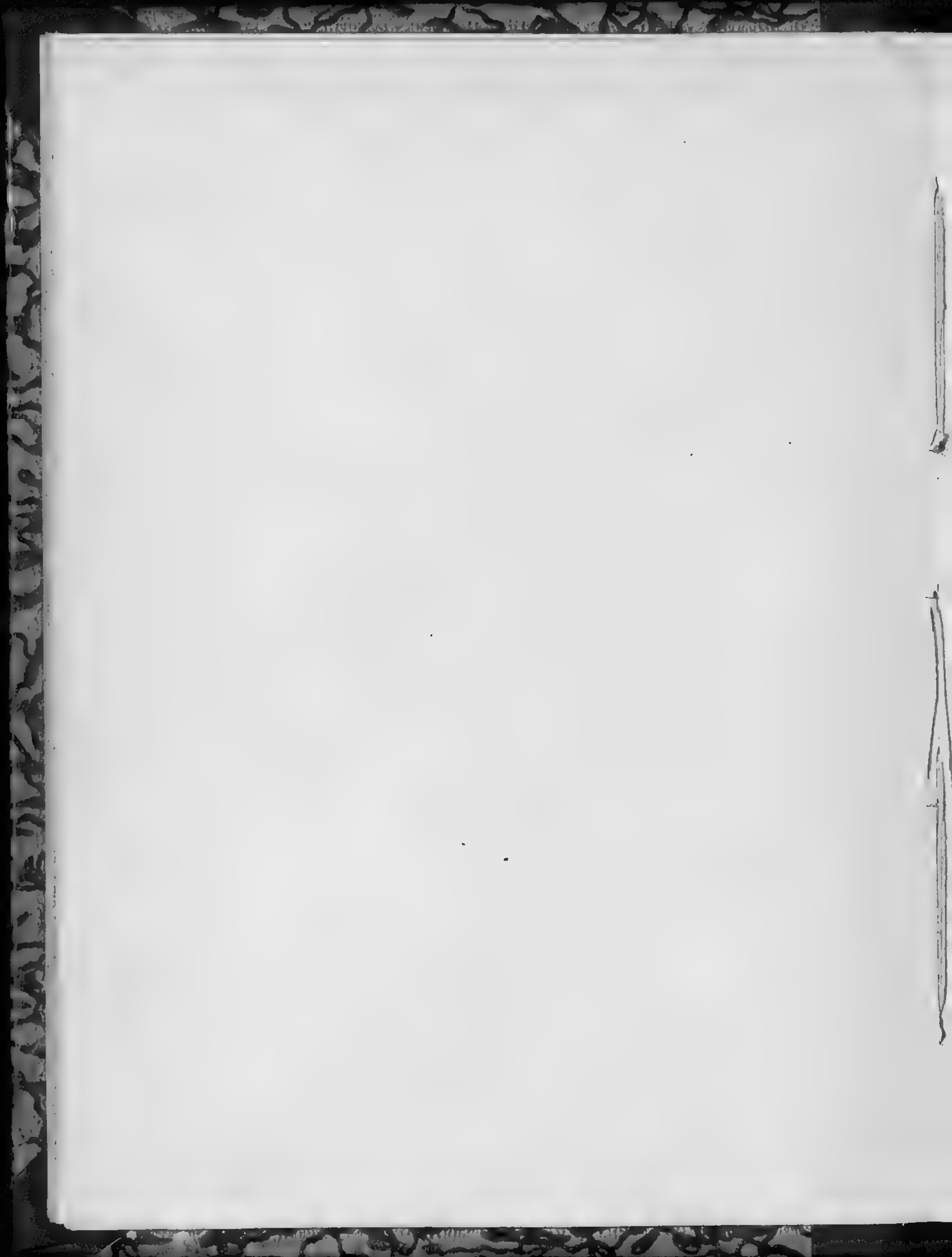
Кантъ.

Я совѣтую вамъ не трудъ, а войну.

Ницше.

Великіе вопросы разрѣшаются мечемъ и кровью.

Бисмаркъ.

I

Начало войны.

Занавѣсъ поднятъ. Трагедія началась... трагедія цѣлаго міра. Милліоны вооруженныхъ людей сомкнули ряды. Судьба поднимаетъ вѣсы, опредѣляя силы и права воюющихъ народовъ. Свершается то, чего съ такимъ напряженіемъ ждали, что пытливо старались предугадать, предопредѣлить, прислушиваясь къ грохоту орудійныхъ заводовъ.

Кто первый поднялъ знамя битвы? Кто привелъ европейскіе народы къ сознанію необходимости міровой войны? Кто сдѣлалъ эту войну непредотвратимою? На кого ляжетъ отвѣтственность за ея послѣдствія и жертвы? Каково отношеніе вообще къ идеѣ войны

воюющихъ народовъ: Россіи и ея враговъ?— Вотъ тѣ вопросы, которые мы считаемъ необходимыми для разрѣшенія именно въ настоящее время, въ дни переживанія грозныхъ событій.

Литература послѣдняго полувѣка удѣляла особое вниманіе на сопоставленіе двухъ міровъ славянскаго и германскаго. Въ теченіе полувѣка подготовлялась боевая встрѣча этихъ двухъ міровъ для опредѣленія права первенства, права господства.

Наступило время, когда этотъ роковой вопросъ пересталъ быть вопросомъ только литературы и вынесенъ на міровой театръ войны, чтобы общимъ экзаменомъ силъ европейскихъ народовъ быть разрѣшеннымъ если не навсегда, то на долгіе годы.

Въ нашемъ очеркѣ мы сопоставимъ психологическое различіе этихъ народовъ.

Нагляднымъ доказательствомъ этого различія и явится изученіе отношенія германскаго и славянскаго міровъ къ идеѣ войны и къ самой войнѣ.

Первое боевое знамя подняла Австрія,

страна того императора, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ лучшіе годы своего царствованія заявлялъ: „Что бы ни говорили, война, по своей природѣ, вовсе не составляетъ неустранимой необходимости. Достаточно нѣсколько ума и умѣнья владѣть собою, чтобы отвратить ее“.

Эти гордыя слова принадлежатъ Францу Іосифу.

Когда ему, однажды, указали на вліяніе общественнаго мнѣнія, нерѣдко вызывающаго потребность войны, Францъ Іосифъ, съ тою же самоувѣренностью, отвѣчалъ: „Кто въ настоящее время можетъ желать войны, — никто! Не можетъ быть никого, кто бы питалъ столь пагубное желаніе, по крайней мѣрѣ я не думаю. Кѣмъ-то было сказано, что войны всегда являлись результатомъ желаній самихъ народовъ, которые навязывали ихъ своимъ миролюбиво настроеннымъ правительствамъ. Такое мнѣніе, очевидно, не согласно съ истиной“. По его мнѣнію — „война всегда представляется бѣдственною случайностью, въ которой виновны неопытность людей или недостатокъ у нихъ хладнокровія“.

Наступилъ 1914 годъ. И вотъ, этотъ сторонникъ мира, обезсиленный престарѣлыми годами, удрученный смертью наслѣдника, поднимаетъ боевое знамя и ведетъ свои войска мстить цѣлой странѣ, цѣлому народу за то, что по его предположенію нѣкоторые граждане этого народа враждебно относились къ убитому. Личнымъ примѣромъ онъ подтвердилъ свои выводы. „Достаточно имѣть нѣсколько ума и умѣнья управлять собою, чтобы предотвратить войну... въ войнѣ виновна неопытность людей или недостатокъ у нихъ хладнокровія". Годы отняли эти свойства у австрійскаго императора и онъ объявилъ войну, за которую историкъ, на основаніи тѣхъ же словъ и дѣйствій Франца Іосифа возложилъ бы на него и отвѣтственность за первый боевой кличъ, всколыхнувшій міръ, если бы сама жизнь не указывала на причины болѣе глубокія.

Началась міровая война. Но Австрія и Сербія—не міръ. Францъ Іосифъ принудилъ къ войнѣ только Сербію. И если онъ виновенъ и во всеобщей войнѣ, то только потому, что забылъ, что современный міръ представляетъ пороховой

вой погребъ, для котораго достаточно одной искры, чтобы вызвать общую катастрофу. Онъ забылъ, что Сербія—составная частица славянскаго союза, что вмѣшательство Австріи во внутреннія дѣла другого государства, недопустимое съ точки зрѣнія международнаго правоотношенія, оскорбило не только Сербію, бросило вызовъ не только сербскому народу, но и всему славянству и всѣмъ культурнымъ народамъ міра. И если германскій народъ оказался исключеніемъ, то это имѣетъ и свои причины.

Объявленію войны Сербіи со стороны австрійской короны не мало способствовало и укрѣпившееся при австрійскомъ дворѣ сознаніе, что война есть только средство политики государства.

Еще австрійскій фельдмаршалъ, эрцгерцогъ Альбрехтъ писалъ: „Война есть не что иное, какъ средство политики". „Война есть орудіе политики и, какъ таковое, подчинено ей", писалъ австрійскій фельдцейхмейстеръ Кунъ. „Политика государства издавна породила войну. Поэтому война является сильнѣйшимъ сред-

ствомъ для политическихъ цѣлей“,—доказывалъ извѣстный австрійскій военный писатель, генералъ Тейеркауфъ.

Военные дифирамбы фельдмаршала Монтекукули и графа Кентина заглушили спокойный голосъ Меттерниха, доказывавшаго, что „истинная сила государей покоится болѣе на системѣ ихъ правленія, на принципахъ, которымъ они слѣдуютъ въ администраціи, однимъ словомъ— на ихъ нравственномъ авторитетѣ, нежели на выставленіи сильнаго войска“.

Мысли Меттерниха, нѣкогда управлявшаго судьбою всей Европы, забыты. Австрія современная идетъ за Войновичемъ, который училъ ее, что „война оправдываетъ цѣль и средство“. Австрійскій народъ идетъ за Ратценгоферомъ, который доказывалъ ему, что „народное право на войнѣ основывается не на людскомъ чувствѣ справедливости, а на широкомъ знаніи войны“.

И чѣмъ громче звучали эти воинственные голоса, тѣмъ далѣе и далѣе уходила мысль австрійскаго императора отъ его первоначальныхъ идеаловъ, идеаловъ лучшаго періода его царствованія.

Увлеченный жаждою мести невиновнымъ за роковое убійство своего наслѣдника, австрійскій императоръ забылъ, что по теоріи тѣхъ же сторонниковъ войны, по увѣренію того же Монтекукули „для войны нужны: во-первыхъ деньги, во-вторыхъ деньги и въ-третьихъ деньги". А ихъ-то въ распоряженіи Австріи и нѣтъ.

Нужно не менѣе и сознаніе народомъ необходимости войны. Нужна не одна воинственность, но и доблесть.

Однако, первые бои австрійцевъ невольно заставляютъ вспоминать, не лишенное остроумія, сравненіе войны съ „бѣгомъ въ перегонки", сдѣланное австрійскимъ фельдмаршаломъ Фридрихомъ фонъ Фишеромъ.

Надо думать, а это уже и подтверждается, что если война есть „бѣгъ въ перегонки", то австрійскимъ войскамъ обезпеченъ первый призъ.

II

Причины войны.

Главная причина современной войны — вооруженіе Германіи, разоряющее страну тевтоновъ и угрожающее европейскому миру.

Истинная цѣль современной войны—разоруженіе Германіи.

Еще Скобелевъ указывалъ намъ на Германію, на ея неустанное вооруженіе, на ея желѣзнодорожную сѣть, окружающую нашу границу по строго обдуманному стратегическому плану, на ту черную тучу, которая медленно надвигалась на насъ съ Запада.

Угрожающее вооруженіе Германіи заставляло вооружаться всю Европу, расходуя на такъ называемую оборону, другими словами,

для подготовленія войны около половины всего бюджета.

Правда, Германія всегда прикрывала свое вооруженіе проповѣдью мира; самъ Вильгельмъ увѣрялъ, что „миръ ничѣмъ лучше не можетъ быть обезпеченъ, какъ готовою къ бою германскою арміею“. Но его проповѣди мира никто не вѣрилъ.

Нельзя не отмѣтить здѣсь того довѣрія, съ какимъ Европа взирала на Россію и того недовѣрія, съ какимъ она всегда прислушивалась къ голосу Германіи.

Всѣмъ памятны слова государя Александра III: „Отечеству нашему несомнѣнно нужна армія сильная и благоустроенная, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла, но не для агрессивныхъ цѣлей, а единственно для огражденія цѣлости государственной чести Россіи. Охраняя неоцѣнимыя блага мира, кои, я уповаю, съ Божьей помощью, еще надолго продлить для Россіи, вооруженныя силы ея должны развиваться и совершенствоваться наравнѣ съ другими отраслями государственной жизни, не выходя изъ пре-

дѣловъ тѣхъ средствъ, кои доставляются имъ увеличивающимся народонаселеніемъ и улучшающимися экономическими условіями".

Эти слова русскаго государя, предначертавшія правильное развитіе военнаго дѣла, были встрѣчены большинствомъ мирно-настроенныхъ державъ не только съ полнымъ довѣріемъ, но и съ вѣрою, что русскій мечъ куется, русская пушка выливается исключительно для охраненія мира.

Все царствованіе Александра III было тому подтвержденіемъ. Западная печать прославляла царя-миротворца, считая Россію колыбелью мира, миромъ управлявшею Европой.

Когда тѣ же самыя слова прозвучали на тронѣ Гогенцоллерновъ, всѣ державы начали вооружаться.

Напрасно нѣмецкіе дипломаты старались убѣдить других, что и Германія не имѣетъ агрессивныхъ цѣлей,—имъ не вѣрили, какъ не повѣрили и самому Вильгельму.

Вооруженіе народовъ съ каждымъ годомъ увеличивалось, а принимая во вниманіе быстроту усовершенствованія техники, когда одна

система ружей и орудій быстро замѣняла другую, когда вооруженіе усугублялось постояннымъ перевооруженіемъ, затраты мало-по-малу стали принимать непосильный для государственнаго бюджета размѣръ, приближая народы къ катастрофѣ. Армія начала представлять опасность даже для внутренняго порядка державъ, истощая ихъ силы.

Въ самой Германіи раздавались голоса противъ милитаризма, но эти голоса заглушались воинственнымъ духомъ націи.

Германія вооружалась, вооружалась съ лихорадочною быстротой, пока не раскинулась черною угрожающею тучею надъ всею Европой.

Для обезпеченія мира, по почину государя императора Николая II, въ Гаагѣ, собралась всемірная конференція съ цѣлью возможнаго сокращенія армій, возможнаго уменьшенія ассигнованій на вооруженіе для сохраненія этого сбереженія на покрытіе экономическихъ потребностей государствъ. Благимъ намѣреніямъ Россіи не суждено было осуществиться.

Германія продолжала вооружаться. При-

томъ, надо замѣтить, что ни въ одномъ государствѣ населеніе не относилось съ такимъ воодушевленіемъ къ расширенію военной силы и расходовъ на нее, какъ въ Германіи.

Интересно прослѣдить подъ вліяніемъ чего нѣмцы усвоили себѣ эту воинственность, чье воздѣйствіе воскресило ихъ угасшій духъ и сплотило всю націю подъ знаменемъ поборниковъ идеи войны. Около полутора вѣка тому назадъ, извѣстный прусскій публицистъ и государственный дѣятель Іоаннъ Мюллеръ, современникъ Фридриха Великаго писалъ: „я не могу постигнуть, какъ это, съ тѣхъ поръ, какъ усмотрѣли связь, соотношеніе и причины вещей, мы, нѣмцы, потеряли будто умѣнье и мужество сдѣлать, наконецъ, разъ навсегда рѣшительный скачекъ, черезъ вѣковую рутину къ хорошо устроеннымъ судамъ, твердымъ предписаніямъ и удобообозрительному кодексу; къ цѣлесообразному, справедливому и постоянному распорядку выборовъ, къ дѣйствительной имперской конституціи, къ хорошей имперской полиціи, къ должной имперской связи и затѣмъ также къ общему отечественному

духу, дабы и мы могли сказать, наконецъ: Мы—нація!“

По мнѣнію Мюллера, въ его время нѣмцы не представляли еще объединенной націи.

Самъ Гёте молилъ судьбу о лучшемъ будущемъ для германскаго народа и говорилъ, что онъ „съ горечью думалъ о нѣмецкомъ народѣ, который такъ почтененъ въ частности и такъ жалокъ въ цѣломъ“.

Постараемся въ краткихъ словахъ отвѣтить на вопросъ: какъ сложилось современное воинственное настроеніе нѣмецкаго народа, поскольку это настроеніе угрожающе и какія послѣдствія надо отъ сего ожидать.

III

Вліяніе философіи.

Говорятъ, наука не можетъ быть національной. По отношенію къ исторіи философіи Германіи—это не отвѣчаетъ истинѣ. Философія нѣмцевъ національна и хранитъ въ себѣ зачатки еще не исчезнувшаго тевтонскаго духа. Ея вліянію, прежде всего, надо приписать пробужденіе въ нѣмецкихъ сердцахъ забытаго національнаго чувства далекаго прошлаго—боевого и чуждаго праву, мечтающаго о грабежахъ и завоеваніяхъ.

Германская философія XVIII и XIX вѣковъ есть неумолимая проповѣдь войны, воспитавшая народъ для ратныхъ стремленій.

Нѣмецкіе философы оправдываютъ войну,

какъ таковую. Война въ ихъ представленіи есть благо, ниспосланное небесами для оздоровленія человѣчества, она вытекаетъ изъ самой природы человѣка. Война—Богомъ установленный міропорядокъ; она всегда—добро и благо, независимо отъ того—оборонительная она или завоевательная, нарушаетъ она международное правоотношеніе или не нарушаетъ, независимо отъ причинъ ее вызвавшихъ, отъ средствъ ею примѣняемыхъ, отъ цѣли, къ которой стремится. Международное право создано, чтобы его нарушать, чтобы оно само себя отмѣняло. Эти воззрѣнія преподанныя нѣмецкою философіею вошли въ плоть и кровь германскаго народа.

Извѣстный германскій мыслитель и государственный дѣятель Арндтъ писалъ: „Война для атмосферы нравственной цѣльности міра то же самое, что гроза при погодѣ для воздуха. Осуществленіе идеи вѣчнаго мира на землѣ, представляющейся, повидимому, такой высокочеловѣколюбивой, было бы въ дѣйствительности величайшимъ несчастіемъ для всего рода человѣческаго; оно оказало бы болѣе разру-

шительное дѣйствіе вслѣдствіе внутренняго разложенія, чѣмъ то, какое производитъ война посредствомъ разрушенія".

То же мнѣніе въ иной формѣ читаемъ мы у Гегеля: „Война не есть абсолютное зло или только явленіе чисто случайное, имѣющее свое основаніе въ страстяхъ правителей или народовъ, въ беззаконіяхъ или вообще въ чемъ-либо, не долженствующемъ быть. Высшее значеніе войны заключается въ томъ, что она укрѣпляетъ нравственное здоровье народовъ, подобно тому, какъ движеніе вѣтровъ предохраняетъ океанъ отъ застоя и гніенія, въ которые онъ отъ продолжительнаго затишья точно такъ же впалъ бы, какъ народъ отъ долгаго или даже вѣчнаго мира".

Но это восхваленіе войны не исчерпываетъ краснорѣчія Гегеля, и онъ усиливаетъ свои доводы.

„Война, пишетъ онъ, необходима для нравственнаго развитія. Она возвышаетъ наше человѣческое достоинство; въ ней высшее проявленіе нашей доблести; она воскрешаетъ мужество въ народахъ, изнѣженныхъ миромъ,

упрочиваетъ существованіе государствъ, династій, служитъ пробнымъ камнемъ для народовъ, раздаетъ власть достойнѣйшимъ, сообщаетъ всему въ обществѣ движеніе, жизнь".

Скептицизмъ утилитаризма, отрицавшій односторонность выводовъ школъ: общежительной, нравственной и индивидуальной, имѣлъ большое значеніе на развитіе мысли въ Германіи. Но еще болѣе широкой системой, достигшей глубокихъ предѣловъ умозрѣнія, исчерпывавшей всю полноту человѣческаго разума, сочетавшей всѣ выводы въ высшемъ внутреннемъ единствѣ, какъ конечной цѣли, явился идеализмъ.

Величайшій представитель этого теченія— Кантъ, авторъ „Критики чистаго разума", „Критики практическаго разума", „О вѣчномъ мирѣ" и др., является не менѣе горячимъ защитникомъ войны.

Сразу бросается въ глаза противорѣчіе идеализма и проповѣди войны; но это противорѣчіе существуетъ и обойти его не представляется возможнымъ.

Какъ бы ни былъ великъ всеобъемлющій

умъ Канта, какъ бы ни былъ далекъ полетъ его фантазіи, все-таки онъ человѣкъ и притомъ нѣмецъ. Воинскій духъ нѣмецкой націи уживается въ немъ съ мечтами идеалиста.

Кантъ строитъ свое идеальное государство далекаго будущаго. Къ человѣку, какъ идеалистъ, онъ предъявляетъ требованіе: „Дѣйствуй такъ, чтобы правило твоихъ дѣйствій могло быть общимъ закономъ для всякаго разумнаго существа... Дѣйствуй такъ, чтобы разумное существо во всемъ было для тебя цѣлью, а не средствомъ... Дѣйствуй такъ, чтобы ты самъ былъ для себя общимъ закономъ". Создавая царство цѣлей, гдѣ каждое разумное существо даетъ законъ всѣмъ другимъ; видя высшее благо въ сочетаніи исполненія нравственнаго закона съ достиженіемъ счастья; уясняя волю, какъ внутреннее самоопредѣленіе чистаго разума; опредѣляя произволъ, какъ способность опредѣляться къ дѣйствію на основаніи личныхъ цѣлей; дробя его на свободный произволъ, создаваемый разумомъ, и скотскій, создаваемый чувственностью; опредѣляя право, какъ совокупность условій, при

которыхъ произволъ одного можетъ сочетаться съ произволомъ другихъ подъ общимъ закономъ,—Кантъ, опираясь на эти юридическія основанія, строитъ свое идеальное государство.

Но существованіе такого государства возможно только какъ плодъ мира, но не войны.

Кантъ же является поборникомъ войны и тѣмъ самымъ приговариваетъ свой проектъ отождествленію съ „Утопіей" Томаса Мора.

Національное чувство его, отражающееся въ его воззрѣніяхъ на войну, раздваиваетъ его систему мышленія на взаимно противорѣчащія части.

Онъ всматривается въ милитаризмъ своей родины, его пугаетъ неустанное вооруженіе, и онъ, съ болью въ сердцѣ, пишетъ: „Постоянныя войска должны быть современемъ совершенно уничтожены: они постоянно угрожаютъ другимъ государствамъ войною, благодаря своей готовности къ ней; всегда, кажется, собираются начать военныя дѣйствія, стараясь другъ друга превзойти количествомъ войскъ, которое не знаетъ границъ, и такимъ

образомъ, вслѣдствіе большихъ расходовъ, миръ становится дороже войны“.

Казалось, прямымъ и единственнымъ выходомъ изъ этого состоянія, принимая во вниманіе тотъ юридическій порядокъ, опираясь на который Кантъ строитъ свое государство. является разоруженіе.

Но Кантъ повторяетъ и обобщаетъ мысль, кратко высказанную Лейбницемъ: „вѣчный миръ возможенъ только на кладбищѣ“.

Лейбницъ не вѣритъ въ вѣчный миръ. Кантъ не вѣритъ въ миръ вообще. Миръ онъ считаетъ порядкомъ, разлагающимъ народы, войну—ихъ сплачивающимъ.

Не вѣря въ возможность достиженія вѣчнаго мира, Лейбницъ никогда не предпочиталъ войну миру временному. Онъ писалъ: „люди вообще не имѣютъ ни силъ, ни сердца, ни желаній доводить до крайности и безъ нужды рисковать своею жизнью, то, слѣдовательно, только тѣ вполнѣ способны для оружія, которые къ тому предназначены, обучены и часто выводятся на опасность“.

Сторонникъ, прежде всего, экономическаго

развитія страны, Лейбницъ замѣчалъ, что „даже побѣдоносная война наноситъ ущербъ торговлѣ побѣдителей“.

Кантъ, въ данномъ случаѣ, является полнымъ противорѣчіемъ. Онъ отрицаетъ значеніе цѣли войны и не находитъ нужнымъ задумываться надъ ея причинами.

„Война не нуждается ни въ какой побудительной причинѣ. Она истекаетъ, повидимому, изъ самой человѣческой природы“.

Природа предоставила право человѣку жить повсюду; она, по мнѣнію Канта, предъявила ему требованіе, чтобы онъ всюду и жилъ, независимо отъ его личной воли, а для того, чтобы это предопредѣленіе ея осуществлялось, она избрала средствомъ войну.

„Человѣкъ воюетъ безъ всякаго особаго интереса, изъ любви къ славѣ, считая войну дѣломъ благороднымъ“.

Но развѣ сама слава—не „интересъ“. Развѣ слава не удовлетворяетъ собою совокупности интересовъ большинства. Развѣ само стремленіе къ славѣ не имѣетъ побудительныхъ причинъ. Развѣ человѣкъ, стремящійся

къ славѣ, просвѣщенный, почитающій войну благороднымъ дѣломъ, стремится къ славѣ безсознательно, а не съ твердой увѣренностью, что его слава нужна его родинѣ, что его слава составляетъ частицу славы его родины и этой частицей увеличиваетъ славу и благо его страны— собирающейся, строющейся или обороняющейся.

Всѣ эти вопросы остались не разрѣшенными Кантомъ.

Отыскивая пути достиженія высшаго нравственнаго развитія, Кантъ приходитъ къ неожиданному выводу: „Достигнуть высшаго развитія нравственности невозможно при томъ хаотическомъ состояніи международныхъ отношеній, которое существуетъ въ настоящее время".

Критикуя современный ему международный правопорядокъ, усматривая его несовершенства, Кантъ просто отбрасываетъ все международное право и очищаетъ передъ войною свободный путь, не ограниченный правомъ.

Это отрицаніе права въ международныхъ отношеніяхъ военнаго времени глубоко запало въ сердце германской націи и породило въ немъ то презрительное отношеніе къ постано-

вленіямъ всѣхъ международныхъ конвенцій и конгрессовъ, которые имѣли въ виду смягчить ужасы войны, предупредить безполезное для военныхъ цѣлей пролитіе крови.

Несовершенное право подлежитъ кодификаціи, но не упраздненію, не отрицанію. Право отрицаемое замѣняется произволомъ.

Нельзя привести ни одной войны за послѣднее столѣтіе, въ которой участвовавшее германское войско не нарушало бы всѣхъ требованій международныхъ конвенцій и конгрессовъ.

Едва началась великая современная война, какъ отовсюду понеслись протесты противъ дѣйствій германскихъ войскъ, нарушающихъ всѣ законы, установленные для воюющихъ державъ. Но беззаконія, произволъ, насилія германскихъ войскъ не есть результатъ нерадивости военной власти, не есть недостатокъ дисциплины, но являются составною частью германской дисциплины, вытекающими изъ глубины сердца германской націи.

Съ этими правонарушеніями бороться трудно, ибо они для германскаго народа національны.

Германія почти ничего не вложила въ международное право, и потому она не питаетъ къ нему уваженія, и не считаетъ его своимъ обязательствомъ.

Съ этимъ приходится считаться, и этого не слѣдуетъ забывать.

Вотъ почему причисленіе германцевъ къ варварамъ не является преувеличеннымъ.

Стремясь оживить и поднять германскую мысль, германскую душу, Кантъ пробудилъ тевтонскій, варварскій духъ и самъ не могъ отъ него отдѣлаться; онъ не переставалъ быть нѣмцемъ; вокругъ него шумѣла германская нація. Онъ заглядывалъ въ душу нѣмецкаго народа, анализировалъ, изучалъ ее, но облагородить ее не могъ, и самъ, увлеченный ея воинственнымъ хаосомъ, притихшимъ, но живымъ, вмѣстѣ со своими единомышленниками, пробудилъ его, не принеся этимъ блага ни Германіи, ни человѣчеству вообще.

Еще ярче Канта резюмируютъ свои тевтонскіе взгляды на войну Лассонъ, Лассаль и даже Ницше.

Въ произведеніяхъ „Идеалы культуры и война“, „Принципъ и будущность междуна-

роднаго права“, Лассонъ наноситъ безпощадный ударъ международному праву въ предѣлахъ вліянія его на германскіе умы.

„Международныя отношенія, писалъ онъ, не могутъ быть подчинены никакимъ законамъ и война непрерывная, неограниченная и безпощадная представляется нормальнымъ состояніемъ международныхъ отношеній“.

Извѣстный германскій демократъ-философъ Лассаль, со всѣмъ пыломъ своего краснорѣчія, увѣрялъ, что „Мечомъ распространилось христіанство, мечомъ крестилъ Германію Карлъ, понынѣ называемый нами великимъ. Мечомъ было низвергнуто язычество, мечомъ изгнанъ былъ изъ Рима Тарквиній, мечомъ удаленъ изъ Эллады Ксерксъ, спасены наука и искусство. Мечомъ сражались Давидъ, Самсонъ, Гедеонъ! Мечомъ было совершено все великое въ исторіи, ему же въ концѣ концовъ будетъ она обязана всѣми великими событіями, которыя когда-либо въ ней совершатся!“

Для того, чтобы воспѣть войну, чтобы окружить ее ореоломъ вѣчной славы, для того, чтобы обожествить стальной мечъ, Лассаль

взялъ крайнее средство своихъ противниковъ—проповѣдь мира, и самъ, не связанный ничѣмъ съ христіанствомъ, не задумываясь надъ судомъ исторіи, гордо кинулъ въ лицо воинствующимъ лютеранамъ, что само христіанство распространилось мечомъ, что не крестомъ крещенъ германскій народъ, а мечомъ, не потому стали нѣмцы христіанами, что восприняли великое ученіе любви и мира, а потому, что какъ рабы подчинились силѣ, которой до сихъ поръ служатъ съ тою же средневѣковою варварскою покорностью.

Вотъ, въ сущности, смыслъ проповѣди Лассаля, а нѣмцы, вмѣсто проявленія оскорбленнаго религіознаго чувства, гремѣли ему похвалою, окружали его, еврея, славою національнаго трибуна.

Прочтите облетѣвшія весь міръ произведенія національнаго нѣмецкаго философа Ницше: „Такъ говоритъ Заратустра", „Утренняя заря", „По ту сторону добра и зла", и вы узнаете, что „великія современныя войны—результатъ изученія исторіи". Прославленный нѣмецкій философъ спрашиваетъ васъ: „Братъ

мой, зло-ли война и побоище?“ И замѣчаетъ, не дождавшись вашего отвѣта: „Однако, это зло необходимо; необходимы и зависть, и недовѣріе и клевета среди твоихъ добродѣтелей“.

Онъ предугадываетъ вопросъ вашъ: какъ обезсилить это зло, какъ оберечь жизнь и трудъ отъ ударовъ меча?—и отвѣчаетъ: „Я совѣтую вамъ не трудъ, а войну. Я совѣтую вамъ не миръ, а побѣду. Да будетъ трудъ вашъ борьбою и миръ вашъ побѣдою! Я говорю вамъ, что только благо войны освящаетъ всякую цѣль“.

Что же удивляться, что даже либеральный классическій поэтъ Германіи Шиллеръ проявляетъ свою воинственно настроенную душу въ такихъ талантливыхъ произведеніяхъ, какъ „Вильгельмъ Телль“, „Орлеанская Дѣва“, „Валленштейнъ“ и др.

Что же удивительнаго въ томъ, что съ устъ пѣвца любви и свободы, но принадлежащаго къ нѣмецкому народу, слетаютъ такія мысли: „Война ужасна, правда, какъ бичъ небесъ, но такъ же, какъ и онъ, она добро, судьбы опредѣленье“.

Что же удивительнаго, что поэтъ, олицетворяющій душевныя стремленія своего родного народа, утверждаетъ отъ имени всѣхъ нѣмцевъ, что на войнѣ „отъ кроткихъ и мягкихъ мѣръ мало проку; все нельзя щадить“.

„Все нельзя щадить!“

Сколько средствъ и путей открыла эта кинутая въ толпу фраза нѣмецкому произволу. Сколько жертвъ, никому не нужныхъ жертвъ, ни передъ кѣмъ и ни въ чемъ неповинныхъ принесла она страшному богу войны варварскою рукою нѣмецкаго солдата.

„Все нельзя щадить!“—и потому германская кавалерія топчетъ четырнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ, протягивающихъ за помощью руки, прострѣленныя германскими солдатами.

„Все нельзя щадить!“—и потому германская пѣхота разстрѣливаетъ четырнадцатилѣтнихъ французскихъ гимназистовъ, нагло именуя ихъ шпіонами.

„Все нельзя щадить!“—и потому германская артиллерія сноситъ огнемъ повозки и летучіе лазареты краснаго креста, причисляя, съ тою же германской беззастѣнчивостью, съ тѣмъ

же нѣмецкимъ варварствомъ къ шпіонамъ и раненыхъ ими русскихъ солдатъ, офицеровъ и сестеръ милосердія.

„Все нельзя щадить!“ —прозвучали слова нѣмецкаго поэта.

„Ничего не щадить!“ —отвѣтила нѣмецкая армія.

И она не щадитъ ничего,—ничего до чести своей родины, до чести германскаго войска включительно.

На грубо воинственный духъ германцевъ, на ихъ варварское отношеніе къ военноплѣннымъ, на полное игнорированіе ими военныхъ обычаевъ культурныхъ странъ, нарушенія постановленій международныхъ конвенцій и конгрессовъ нельзя смотрѣть какъ на что-то временное, случайное, зависящее отъ тѣхъ или иныхъ причинъ. Нѣтъ, всѣ эти недостатки являются нѣмецкою системою, своеобразною нѣмецкою дисциплиною, вытекающей изъ глубины тевтонской души. Мы воюемъ съ варварами въ полномъ смыслѣ слова и этого не слѣдуетъ забывать.

IV

Война и право.

Говоря о дипломатическомъ корпусѣ Германіи можно съ увѣренностью сказать, что нѣтъ ни одного государства въ Европѣ, гдѣ дипломатія играла бы столь ничтожную роль, какъ въ царствѣ Гогенцоллерновъ.

Извѣстный германскій мыслитель Штраусъ въ „Перепискѣ съ Ренаномъ“ сообщаетъ: „военныя дѣла Германія не разъ уже хорошо рѣшала, а мирныя дѣла всегда посредственно. Въ 1814 и 1815 г.г. сдѣлалось у насъ ходячей поговоркой, что перо дипломата портитъ дѣло меча“.

Но Штраусъ щадитъ свою родину. Если

бы онъ рѣшился быть безпристрастнымъ, онъ сказалъ бы, что германская дипломатія, какъ таковая, никогда не была даже посредственною, ибо ея существованіе въ послѣдній вѣкъ было фикціею. Германія опиралась на мечъ, не довѣряя совершенно своимъ дипломатамъ, въ чемъ лучшіе изъ представителей нѣмецкой дипломатіи чистосердечно признавались.

Однимъ изъ лучшихъ дипломатовъ Пруссіи былъ Ансильонъ. Занимая постъ министра иностранныхъ дѣлъ, онъ не стѣснялся воспѣвать войну, возлагая всѣ надежды не на своихъ коллегъ по министерству, но на отточенные нѣмецкіе мечи. Въ войнѣ онъ видѣлъ благо, въ мирѣ—бѣдствіе.

„Война, говорилъ онъ, и бѣдствія ее сопровождающія развиваютъ нравственныя силы; если бы не было войны, храбрость, терпѣніе, твердость, самоотверженіе, презрѣніе къ смерти, все это исчезло бы съ лица земли“.

И это говорилъ не военный министръ, не фельдмаршалъ, но министръ иностранныхъ дѣлъ.

Величайшимъ дипломатомъ германской

имперіи является, конечно, князь Бисмаркъ, но это не можетъ быть отнесено къ чести дипломатическаго корпуса Германіи, ибо Бисмаркъ является представителемъ арміи, фельдмаршаломъ и канцлеромъ имперіи, но не профессіональнымъ дипломатомъ, не отражая собою ни одного недостатка, ни одного штриха дѣятельности германской дипломатіи.

Онъ объединилъ въ своей власти верховенство надъ арміей штыковъ съ верховенствомъ надъ арміей перьевъ и, конечно, вторую подчинилъ первой.

„Великіе вопросы, говорилъ онъ, могутъ быть разрѣшаемы не рѣчами и подачей голосовъ, но мечомъ и кровью".

Въ отличіе отъ другихъ канцлеровъ, Германія назвала его желѣзнымъ канцлеромъ.

Созидая дѣло націи, Бисмаркъ былъ великъ первоначальнѣе и главнѣе всего потому, что онъ явился полнымъ и всестороннимъ олицетвореніемъ германскаго духа. Онъ отразилъ въ себѣ душу цѣлой націи, мысли, стремленія и чаянія всего народа. Имъ олицетворялось, въ немъ воплощалось, имъ осуществлялось

воинственное міровоззрѣніе, воинственный духъ нѣмецкой философіи, науки, публицистики, общественнаго мнѣнія, литературы, церкви.

Онъ взялъ отточенный нѣмецкій мечъ, выстроилъ для династіи Гогенцоллерновъ имперію, очертилъ мечомъ ея границы, мечомъ опредѣлилъ ея права, мечомъ прогремѣлъ гимнъ войны, мечомъ оковалъ германскую націю, ослѣпивъ ее ореоломъ славы того же меча, и тѣмъ же мечомъ указалъ путь безустаннаго вооруженія, чтобъ тотъ же мечъ все тяжелѣе и тяжелѣе давилъ ее за оказанныя ей благодѣянія.

Создавъ мечомъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, сильную имперію, вдохновивъ ее тѣмъ же мечомъ и только имъ, Бисмаркъ сорокъ лѣтъ тому назадъ обрекъ ее разрушенію отъ того же меча: отъ тяжести его или отъ удара. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ моменты наиболѣе яркой славы имперіи Гогенцоллерновъ, великій канцлеръ, пренебрегшій законами природы, безвольно, безсознательно толкалъ свою родину къ той роковой катастрофѣ, которая началась въ іюлѣ 1914 года.

Въ нашу эпоху культурнаго расцвѣта народовъ, въ эпоху ученія о любви и мирѣ, государства, опирающіяся, исключительно, на военную силу, сами себѣ подготовляютъ погибель...

Характернымъ является то, что люди, которымъ суждено было увѣнчать воинственное настроеніе германскаго народа, Бисмаркъ и Мольтке, въ первые годы своего служенія были ярыми противниками войны и сторонниками мира.

Либеральный студентъ, ставшій либеральнымъ депутатомъ рейхстага, Бисмаркъ, не думалъ о военной карьерѣ. Съ депутатской трибуны онъ предостерегалъ родной народъ отъ войны, доказывалъ какъ ужасны послѣдствія, вызываемыя войною.

„Государственному дѣятелю,—говорилъ молодой депутатъ Бисмаркъ,—легко играть на боевой трубѣ въ парламентѣ или въ кабинетѣ, оставаясь у своего камина или произнося съ трибуны громовыя рѣчи, предоставляя мушкатеру, истекающему кровью въ снѣгу, рѣшать, принесетъ ли его система побѣду и славу или нѣтъ. Нѣтъ ничего легче этого! но

горе государственному мужу, не ищущему въ настоящее время такой причины къ войнѣ, которая могла бы выдержать критику и послѣ войны“.

Мелькнули годы... На Бисмаркѣ генеральскій мундиръ. Онъ фельдмаршалъ, онъ канцлеръ, онъ фактическій управитель имперіи. Забыта проповѣдь мира, разсѣяно настойчивое изученіе будущаго, оставлены стремленія предусмотрѣть, разгадать его. Бисмаркъ не говоритъ уже объ отвѣтственности государственныхъ дѣятелей за умирающихъ въ снѣгу мушкатеровъ...

Иная проповѣдь слетаетъ съ устъ желѣзнаго канцлера: „Война есть нравственное лѣкарство природы, возвращающее людей на настоящій путь... войну можно только прославлять за то, что она ломаетъ желѣзныя оковы привычекъ повседневной жизни, даетъ случай развернуться талантамъ и высокимъ добродѣтелямъ и ставитъ каждаго на подобающее ему по его способностямъ мѣсто“.

„Великіе вопросы могутъ быть разрѣшены не рѣчами и подачей голосовъ, но мечомъ и

кровью". Вотъ въ чемъ выразились вся государственная система Бисмарка, душа его желѣзнаго государственнаго строя, вотъ къ чему свелись упованія нѣмецкаго народа.

Чѣмъ можно объяснить такую перемѣну въ воззрѣніяхъ Бисмарка? Когда онъ лгалъ, когда онъ былъ искреннимъ?

Для насъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ лгалъ будучи дипломатомъ, вдохновляемый молодостью и либерализмомъ.

Не военный мундиръ, не жажда военной карьеры, не положеніе фельдмаршала внушало ему неумолимую проповѣдь войны, но нѣмецкая душа, нѣмецкій умъ, нѣмецкое сердце.

Та же исторія повторилась и съ Мольтке.

„Мы открыто признаемъ себя, говорилъ когда-то Мольтке, сторонниками столь часто осмѣиваемой идеи вѣчнаго европейскаго мира, не въ томъ смыслѣ, чтобы должны были прекратиться долгія кровавыя столкновенія, чтобы арміи были распущены, а пушки расплавлены, нѣтъ; но не является ли весь ходъ исторіи прогрессомъ, стремящимся къ миру?

Возможна ли въ наше время война изъ за beaux yeux de Madame?"

Мольтке утверждалъ, что „война, даже самая побѣдоносная, есть страшный бичъ для народовъ и для всего человѣчества".

Но вотъ мелькнули годы. Судьба нарекла Мольтке фельдмаршаломъ, окружила его ореоломъ военной славы, и онъ, не вспоминая уже о своей былой проповѣди мира, заявляетъ, что „война священна... война—составная часть Богомъ установленнаго міропорядка... война—священнѣйшій законъ міра... если не было бы войны, міръ разложился бы въ гніеніи и погрязъ бы въ грубомъ матеріализмѣ... война развиваетъ благороднѣйшія качества человѣка".

На упрекъ своихъ бывшихъ единомышленниковъ, порицавшихъ его за перемѣну міровоззрѣнія, Мольтке отвѣчалъ: „миръ есть мечта и мечта непріятная".

Характерно и то, что причиною войны, рѣзко измѣнившей взгляды Мольтке явилась кандидатура Гогенцоллерна на испанскій престолъ.

Всматриваясь въ Германію, въ этотъ большой грубый желѣзный механизмъ, вслушиваясь въ эти гимны войны, невольно сознаешь, что стоитъ этому воинскому духу угаснуть, какъ одинъ за другимъ покатятся въ пучину мертвыя желѣзныя колеса германскаго механизма, и Германія вновь распадется по тѣмъ естественнымъ формамъ, которыя укажетъ ей не рука человѣка, но опредѣленіе судьбы.

Сознаютъ это и нѣмцы, и потому всѣ усилія передовыхъ людей германской націи направлены къ поддержанію воинственнаго духа.

„Поддержаніе военнаго духа, писалъ извѣстный прусскій военный писатель Богуславскій („Der Krieg in seiner wahren Bedeutung für Staat und Volk".), есть жизненный вопросъ для народа; съ нимъ народъ держится и падаетъ, ибо война имѣетъ свою основу въ особенностяхъ человѣческой природы и того міра, въ которомъ мы живемъ".

Какъ стратегическій, такъ и тактическій планы германскаго войска прежде всего раз-

сматриваются по отношенію къ воинскому духу не только арміи, но и народа. Нѣмецкому народу нужны немедленныя аттаки, быстрыя, рѣшительныя побѣды. Нѣмецкимъ фельдмаршаламъ и главнокомандующимъ некогда задумываться надъ составленіемъ плановъ и диспозицій, предъ ними одинъ вопросъ: что надо дѣлать, чтобы не угасъ воинственный духъ, чтобы не закралось сомнѣніе въ побѣдѣ, чтобы не наступило разочарованіе?

Еще прусскій генералъ Блюме предупреждалъ нѣмецкихъ полководцевъ: „энергичное веденіе войны закаляетъ народный характеръ; напротивъ, вяло веденныя продолжительныя войны наносятъ самый большой матеріальный ущербъ и приносятъ нравственный вредъ“.

Военная литература Германіи полна восхваленіями войны для возбужденія духа германскаго народа.

Кто смѣетъ осуждать войну въ Германіи, хотя бы она была самая жестокая, самая неправая, самая безцѣльная, если только она начата нѣмцами!

„Осужденіе войны, убѣждалъ Трейчке, не

только нелѣпо, но и безнравственно... Требовать отмѣны войны—значитъ посягать на самыя святыя чувства человѣчества и изуродовать человѣческую природу".

Его произведенія „Deutschen Geschichte im neunzehnten Iahrhundert" и „Historische und politische Aufsätze" пользовались широкой популярностью въ Германіи.

Не меньшей популярностью пользовалось изданіе Макса Егуса „Ueber Krieg Frieden und Kultur".

Оно говоритъ намъ, „что война всегда была и доселѣ останется началомъ всего".

„Борьба за право", изданная нѣмецкимъ профессоромъ Іерингомъ дѣлается настольною книгою каждаго образованнаго нѣмца.

Іерингъ замѣняетъ лозунгъ: „въ потѣ лица долженъ ты заработать хлѣбъ свой насущный" — другимъ — „въ борьбѣ ты обрѣтешь свое право".

И онъ, отъ лица нѣмецкихъ юристовъ, поддерживаетъ право меча, передъ правомъ пера.

По его мнѣнію „понятіе о правѣ—не есть понятіе логики, но чистое понятіе о силѣ".

„Безъ борьбы нѣтъ права, какъ безъ труда нѣтъ собственности“.

Онъ восхищается изображеніемъ Ѳемиды. Живая сила права безъ меча была бы безсиліемъ. Сочетаніе меча и вѣсовъ создаетъ правосудіе.

Талантливый юристъ увлекаетъ за собою читателя картинными сравненіями, понятными среднему уму.

„То обстоятельство, что право дается человѣчеству не безъ трудовъ, а потомъ, кровью и борьбою и связываетъ его неразрывно съ субъектомъ, подобно тому, какъ рискъ собственною жизнью при родахъ связываетъ мать съ ребенкомъ; безъ борьбы полученное право стоитъ на одной линіи съ принесенными аистомъ дѣтьми; такихъ дѣтей опять похищаетъ лисица или коршунъ; но мать, родившая и вскормившая ребенка не уступитъ его никому; тѣмъ менѣе потерпитъ народъ, когда попираютъ право, добытое имъ въ кровавой борьбѣ; сила любви, съ которой народъ льнетъ къ своему праву, зависитъ отъ количества труда и напряженія, которыми онъ достигъ этого пра-

ва; не привычка, а жертвы приковываютъ человѣка къ его юридическимъ институтамъ; своему избранному пароду Богъ не подарилъ ничего и не облегчилъ ему труда въ достиженіи его цѣлей, но наоборотъ, поставилъ ему всевозможныя препятствія. Въ силу всего сказаннаго я осмѣливаюсь утверждать, что борьба, которой достигается право, есть не проклятіе, а благодать“.

Борьба, борьба и борьба! — вотъ стихія, гдѣ рождается германское право, въ которой германскій умъ проявляетъ всю полноту своего творчества и проявляетъ ее только для новой безконечной и безцѣльной борьбы.

Миръ есть цѣль, но средство для достиженія его война. Миръ есть цѣль, но цѣль, лежащая гдѣ-то въ отдаленныхъ вѣкахъ будущаго, а путь къ этой цѣли одинъ—путь нескончаемой войны. Но миръ отдаленнаго будущаго есть мечта, а жизнь опирается на настоящее, реальное. Война—вотъ оно—настоящее, вотъ богъ тевтоновъ, единственный богъ, достойный всенародной жертвы.

Мечъ—царь Германіи. Гогенцоллерны—ра-

бы меча. Отнимите славу меча, развѣнчайте войну—идеалъ германской династіи и вы изъ числа передовыхъ державъ вычеркнете наиболѣе зазнавшуюся, самую опасную державу для мирнаго процвѣтанія остальныхъ—Германію.

Для войны, для вооруженія, для рабскаго служенія мечу нѣмцы посвятили всѣ свои матеріальныя и физическія силы, всѣ мысли и идеалы, всѣ перья: философовъ, литераторовъ, дипломатовъ и юристовъ.

„Расходы на войско и флотъ, говоритъ извѣстный германскій экономистъ фонъ Кауфманъ („Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ государствъ"), служатъ главнѣйшей цѣли государства: его самосохраненію, побѣдѣ въ предстоящей войнѣ. Если эта цѣль не удовлетворена сполна, то все, что израсходовано на военныя цѣли, растрачено понапрасну".

Если нѣтъ денегъ, то нуженъ кредитъ. Германская изворотливость придумала весьма оригинальный мотивъ для полученія кредита.

Война ведется для будущаго и потому будущее за него должно быть отвѣтственно;

не прошлое, а будущее. Въ этомъ опредѣленіи ярко вырисовывается общегерманская особенность. За войну не отвѣтственно прошлое, во-первыхъ, потому что прошлаго уже нѣтъ, а во-вторыхъ, потому что война, по мнѣнію нѣмцевъ не является слѣдствіемъ этого прошлаго, а вытекаетъ изъ самой природы человѣчества, рождается сама по себѣ, не нуждаясь ни въ какихъ побудительныхъ причинахъ. За войну отвѣтственно будущее, ибо война, всякая война, независимо отъ ея исхода, несетъ будущему благо, оздоровляя народъ и рождая на поляхъ сраженія лучшій цвѣтъ героизма, мужества и силы, совершенствуя, по убѣжденію выразителя нѣмецкаго общественнаго мнѣнія, профессора Штенгеля („Der ewige Friede"), искусство, поэзію, живопись, архитектуру, опредѣляя народную дѣеспособность, творческую силу, экзаменуя политическія, физическія и умственныя силы народа, являясь судьбою государства. Но вѣдь судьба загадочна: она—и благо, она—и бѣдствіе. На это представители нѣмецкаго духа, выразители національнаго нѣ-

мецкаго міровоззрѣнія отвѣчаютъ: если судьба отождествляется съ войной—она благо, если съ миромъ—бѣдствіе.

Давно въ Германіи перестали читать Гумбольдта, а онъ обладалъ большимъ дипломатическимъ умомъ. Онъ особенно предостерегалъ правительство „не браться за оружіе безъ серьезныхъ причинъ“, уясняя, что „только тогда война благотворна, когда ведется во имя высокихъ цѣлей“.

Теперь Германія идетъ за воинственной теоріей Канта: „Война не нуждается ни въ какой особенной побудительной причинѣ. Она истекаетъ изъ самой человѣческой природы... Человѣкъ воюетъ безъ всякаго интереса“.

Какъ сильно это слѣпое служеніе мечу можно судить уже потому, что лучшее изъ всѣхъ сочиненій, призывавшихъ къ разоруженію—„Долой оружіе!“—принадлежало нѣмецкой женщинѣ, баронессѣ Зутнеръ.

Вся европейская печать отнеслась къ этой книгѣ съ глубокимъ сочувствіемъ, но одна Германія не внимала горячей проповѣди мира; всѣ націи перечитывали это талантливое про-

изведеніе, только одни нѣмецкіе націоналисты не читали его.

Въ грозный для Германіи день объявленія ею войны Россіи, представитель германской имперіи, посолъ графъ Пурталесъ отбылъ изъ русской столицы. Но каковъ былъ его отъѣздъ? Говорилъ-ли онъ величественныя рѣчи, достойныя его заигравшагося повелителя, грозилъ ли такъ же, какъ и онъ, лгалъ ли съ тою же самоувѣренностью, съ какою лгалъ предъ цѣлымъ міромъ Вильгельмъ II Гогенцоллернъ, обманывая прежде всего свой народъ, который шелъ за него умирать; олицетворялъ ли графъ Пурталесъ собою безстрашіе той мозаичной игрушки Гогенцоллерна, на круповскихъ пушкахъ, работы Бисмарка, которую именуютъ германской имперіей?

Нѣтъ, графъ Пурталесъ не гремѣлъ рѣчами, ничего не требовалъ, ничего не доказывалъ, не угрожалъ. Графъ Пурталесъ плакалъ и увѣрялъ, что онъ ничего не знаетъ.

Въ этотъ моментъ онъ былъ достойнѣйшимъ представителемъ истинной, ослѣпленной Германіи.

Россія.

Не давайте сильнымъ губить слабыхъ... Жизнь и душа христіанина священна

Владиміръ Мономахъ.

Богъ помогаетъ тому, кто вступается за утѣсненныхъ.

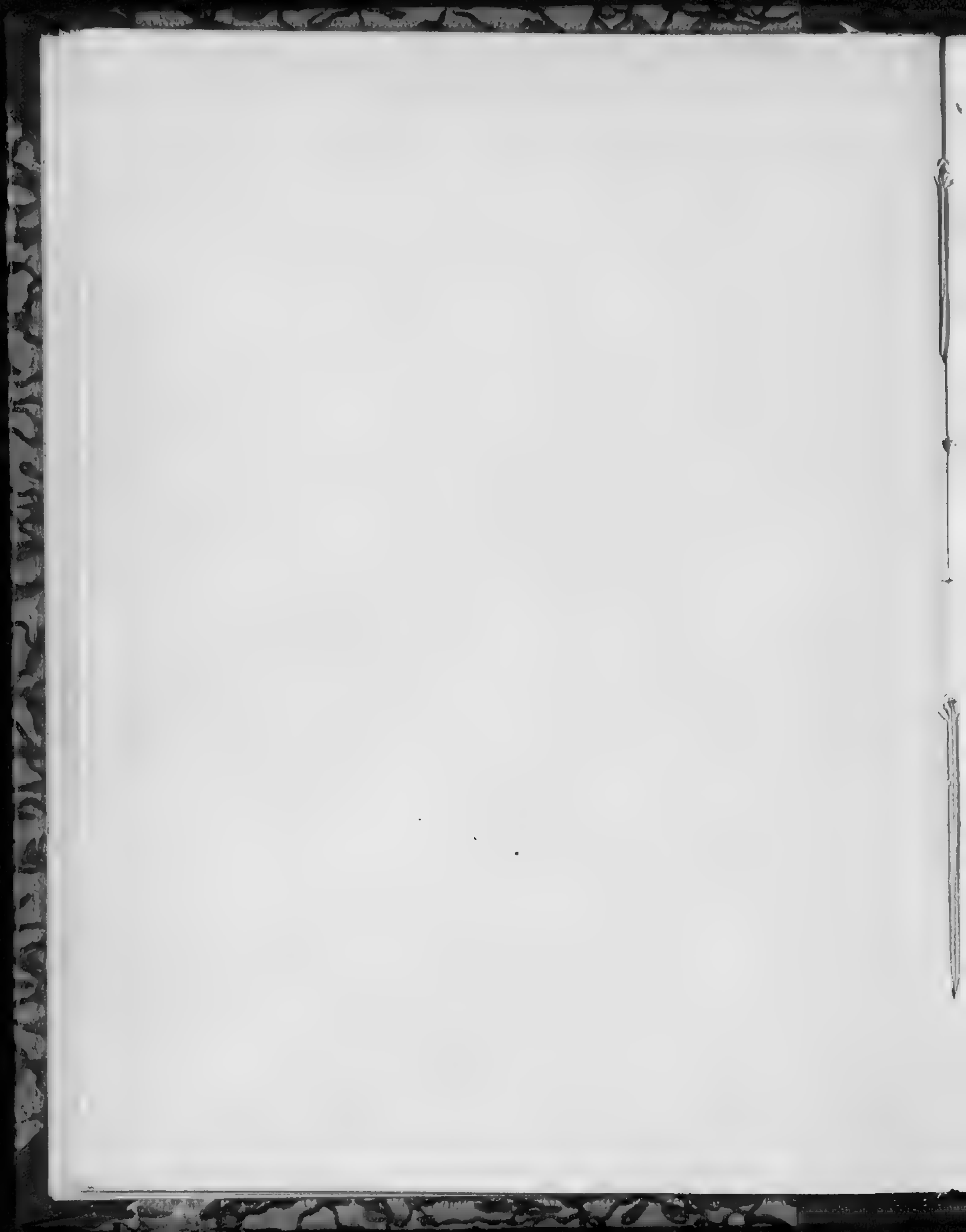
Святославъ.

Защитительная война—дѣло не только чести, но что всего важнѣе и совѣсти народной.

И. Аксаковъ.

Кровь человѣческая драгоцѣнна, война ужасна; но Божія рѣшенія неисповѣдимы, и долгъ долженъ быть совершенъ, какъ бы тяжелъ онъ не былъ.

Хомяковъ.

I

Русскій духъ.

„Не давайте сильнымъ губить слабыхъ... Жизнь и душа христіанина священна"—вотъ завѣщаніе, данное Владиміромъ Мономахомъ своимъ сыновьямъ. Отъ нихъ этотъ святой завѣтъ приняла вся Русь и передавая изъ вѣка въ вѣкъ одному поколѣнію за другимъ, сообразовала съ нимъ всѣ свои стремленія и помышленія, всѣ дѣла свои.

„И вы, дѣти мои, писалъ Владиміръ Мономахъ, не бойтесь смерти, ни битвъ, ни звѣрей свирѣпыхъ, но являйтесь мужами во всякомъ случаѣ, посланномъ отъ Бога. Если Провидѣніе опредѣлитъ кому умереть, то не спасутъ его ни отецъ, ни мать, ни братья. Храненіе Божіе надежнѣе человѣческаго".

Прошли вѣка, не малые вѣка, съ тѣхъ поръ, какъ Русь потеряла великаго князя. Не стало Владиміра Мономаха, но его завѣтъ остался нерушимымъ.

Загляните, сегодня, въ любой православный храмъ, въ любой русскій домъ, въ любую крестьянскую избу, въ любое русское сердце, и тамъ вы услышите тѣ же мысли, тѣ же святыя слова Владиміра Мономаха, тѣ же чувства, которыя переживали его сыновья, принимая отъ своего отца послѣднее благословеніе, его вѣчное для Россіи завѣщаніе.

Благословляя Русь на брань за слабыхъ, за правое Божье дѣло, Владиміръ Мономахъ всегда, въ самые блестящіе годы своего княженія, былъ глубокимъ сторонникомъ мира, но мира созданнаго не слабоволіемъ, робостью, тунеядствомъ, а истиннаго христіанскаго мира, требуемаго совѣстью, долгомъ, честью, и справедливостью.

„Да лишится на вѣки мира душевнаго, говорилъ Владиміръ Мономахъ, тотъ, кто не желаетъ мира христіаниномъ! Не боязнь и не крайность заставляютъ меня говорить такъ,

но совѣсть и душа, которая мнѣ на свѣтѣ всего драгоцѣннѣе“.

Въ то время, когда западными народами руководила жажда обогащенія и завоеванія, когда ихъ храбрость создавалась хищностью и корыстолюбіемъ, что является и въ настоящее время отличительнымъ свойствомъ германскихъ народовъ, въ то далекое время храбрость русскихъ ополченій создавалась добродѣтелью. Уже въ то далекое время Русь пережила тотъ періодъ развитія души, который до сихъ поръ сковываетъ германскіе народы. Вотъ почему великодушіе было отличительнымъ свойствомъ славянскихъ народовъ, малодушіе—германскихъ.

Добродушный князь Святославъ, прося у сына Владиміра, князя Георгія Владиміровича—строителя Москвы, помочь освобожденію князя Игоря, убѣдилъ его напоминаніемъ, что: „Богъ помогаетъ тому, кто вступается за утѣсненныхъ“.

Чѣмъ одухотворено все царствованіе Ярослава Мудраго, его „Правда“, какъ не духомъ мира и согласія.

„Миръ и согласіе да утвердитъ могущество государства“,—говорилъ онъ, и эти слова были его основнымъ закономъ.

Мы знаемъ, что исторія перваго періода Руси, Руси устанавливающейся, строющейся, самоопредѣляющейся, нерѣдко представляла собою междоусобныя войны. Но эти войны, это высшее напряженіе борющихся дружинъ даетъ намъ изобильный матеріалъ для опредѣленія русскаго духа. И мы видимъ, что не воинскіе призывы, но призывы къ защитѣ и къ миру, не насиліе, но чувство справедливости пробуждало наибольшее проявленіе духа.

Вспоминается 1152 годъ.

Престарѣлый Вячеславъ ждетъ наступленія врага. Его войска ждутъ боя, но князь посылаетъ посла во вражескій станъ и говоритъ ему: „Иди къ Георгію, цѣлуй его моимъ именемъ и говори такъ: сколько разъ молилъ я васъ, тебя и племянника, не проливать крови христіанъ и не губить земли русской! Изяславъ возсталъ на Игоря, велѣлъ мнѣ объявить, что ищетъ престола Кіевскаго единственно для меня, второго отца своего,

а послѣ завладѣлъ собственными моими городами Туровымъ и Пинскимъ. Равно обманутый и тобою—лишенный Пересопницы, Дорогобужа—не имѣя ничего, кромѣ Вышегорода, я молчалъ; имѣя Богомъ данную мнѣ силу, полки и дружину, терпѣливо сносилъ обиды, самое уничиженіе и, думая только о пользѣ отечества, унималъ васъ. Напрасно: вы не хотѣли внимать совѣтамъ человѣколюбія; отвергая ихъ нарушали уставъ Божій. Нынѣ Изяславъ загладилъ вину свою: почтилъ дядю вмѣсто отца; я назвалъ его сыномъ. Боишься ли унизиться предо мною? Но кто изъ насъ старшій? Я былъ брадатъ, когда ты родился. Опомнись, или, поднявъ руку на старшаго, бойся гнѣва Небеснаго!“

Въ отвѣтъ князь суздальскій потребовалъ, чтобы Мстиславичи выѣхали изъ области Кіевской.

На это Вячеславъ отвѣчалъ ему: „У тебя семь сыновей: отгоню ли ихъ отъ родителя? У меня ихъ только два: не разстанусь съ ними. Иди въ Переяславль и Курскъ; иди въ Великій Ростовъ, или въ другіе города свои;

удали Ольговичей и мы примиримся. Когда же хочешь кровопролитія, то Матерь Божія да судитъ насъ въ семъ вѣкѣ и будущемъ!“

Война началась. Дружины Вячеслава одержали побѣду, но и тогда Вячеславъ остается тѣмъ же. Онъ увѣщеваетъ своихъ союзниковъ не спѣшить преслѣдованіемъ, ибо „Всевышній даетъ побѣду не скорому, а справедливому“.

Карамзинъ замѣчаетъ по этому поводу: „Никогда народъ Кіевскій не вооружался охотнѣе; никогда не изъявлялъ болѣе усердія къ своимъ государямъ. „Всякій, кто можетъ двигаться и владѣть рукой, да идетъ въ поле, говорили граждане,—или да лишится жизни ослушникъ!“

Вотъ характерный примѣръ, дающій намъ полное представленіе о высотѣ русскаго духа.

Мужество рождалось правдой, милосердіемъ, справедливостью. Побѣда доставалась сильному не мечомъ, но вѣрою въ Бога, вѣрою въ правое дѣло своего князя, защитою родины.

И если войны нарушали миръ во время княженія Вячеслава, кто можетъ сомнѣваться

въ искренности этого миролюбиваго князя, когда онъ говорилъ: „Я отъ юности гнушался кровопролитіемъ“.

Когда половцы разоряли Русскую Землю, когда Новгороду грозила гибель, Мстиславъ, собравъ вокругъ себя всѣхъ союзныхъ князей, говорилъ имъ: „Земля русская, наше отечество, стенаетъ отъ половцевъ, которые не перемѣнили донынѣ древняго обычая: всегда клянутся быть намъ друзьями, берутъ дары, но плѣняютъ христіанъ и множество невольниковъ отводятъ въ свои вежи. Нѣтъ безопасности для купеческихъ судовъ нашихъ, ходящихъ по Днѣпру съ богатымъ грузомъ. Варвары думаютъ совершенно овладѣть торговымъ путемъ греческимъ. Время прибѣгнуть къ средствамъ дѣйствительнымъ и сильнымъ. Друзья и братья! оставимъ междоусобіе: возримъ на небо, обнажимъ мечъ, и, призвавъ имя Божіе, ударимъ на враговъ. Славно, братья, искать чести въ полѣ и слѣдовъ, проложенныхъ тамъ нашими отцами и дѣдами!“

Когда русскому народу была извѣстна причина войны, когда онъ ясно сознавалъ, что

его права нарушены, что его вѣра, его завѣты попраны, онъ благословлялъ дѣло обороны и отдавалъ этому дѣлу всю полноту великихъ силъ своихъ; шелъ въ бой и побѣждалъ.

Въ 1176 году, послѣ смерти великаго князя Михаила, народъ присягнулъ Всеволоду Георгіевичу. Но бояре и ростовцы подняли бунтъ, выставивъ своимъ кандидатомъ Мстислава. Чтобы предупредить кровопролитіе, Всеволодъ, отказавшись отъ части своихъ владѣній, предлагалъ ему миръ: „За тебя ростовцы и бояре, за меня Богъ и владимірцы. Будь княземъ первыхъ, а суздальцы да повинуются изъ насъ, кому хотятъ“. Но миръ отвергнутъ. Всеволодъ медлилъ, отыскивая способы предотвратить кровопролитіе до тѣхъ поръ, пока не услышалъ изъ устъ народа: „Государь! ты желалъ добра Мстиславу, а Мстиславъ ищетъ головы твоей и, не давъ еще исполниться девяти днямъ по кончинѣ Михайловой, жаждетъ кровопролитія. Иди же на него съ Богомъ! Если будемъ побѣждены, то пусть возьмутъ ростовцы женъ и дѣтей нашихъ!“

Всеволодъ ударилъ на многочисленнаго врага небольшою дружиною и разсѣялъ его.

Сколько душевной силы, сколько могучей воли долженъ былъ имѣть народъ въ такіе дни. А изъ этихъ дней соткана вся исторія русскаго духа, великаго славянскаго духа.

И если послѣ побѣды, Всеволодъ говорилъ: „Брань славна луче есть мира студна",— кто назоветъ его варваромъ.

Побѣждая нѣмецкія полчища незначительными по численности дружинами, Александръ Невскій, любимѣйшій и славнѣйшій князь Земли Русской внушалъ своей дружинѣ: „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ".

Эти слова отражали въ себѣ весь душевный міръ Александра Невскаго, всю его жизнь. Поскольку этотъ міръ былъ близокъ русскому народу можно судить по тому безысходному горю, которымъ откликнулась въ сердцѣ россіянъ вѣсть о кончинѣ великаго князя. Какъ только до народа дошла роковая вѣсть: „не стало Александра!"—какъ только узналъ онъ, что „закатилось солнце отечества"—одно слово вырвалось изъ русскаго сердца—„погибаемъ!"

Народу казалось, что безъ Александра его существованіе невозможно, сама жизнь потеряла свой внутренній смыслъ, вырвана народная душа, разбито народное сердце.

Александръ Невскій былъ именно народной душой, выразителемъ русскаго духа. И знатному князю, и послѣднему смерду онъ былъ близкимъ и роднымъ, царемъ и братомъ.

Православная церковь молитвою вѣрующихъ причислила его къ лику святыхъ за то, что всею своею жизнью, каждымъ своимъ словомъ онъ олицетворялъ святыя стремленія русскаго духа.

Не великимъ назвалъ его русскій народъ, а святымъ, ибо не силѣ Александра Невскаго поклонялся онъ, а правдѣ.

Въ годины тяготѣвшаго надъ Русью татарскаго ига, русскій боевой духъ болѣе, чѣмъ когда-либо, вдохновлялся защитой слабыхъ, обороной угнетаемыхъ.

Когда епископъ благословлялъ въ походъ великаго князя Михаила Ярославовича, онъ говорилъ ему: „ты правъ, государь, предъ лицомъ Всевышняго, и, когда смиреніе твое

не могло тронуть ожесточеннаго врага, то возьми праведный мечъ въ десницу; иди: съ тобою Богъ и вѣрные слуги, готовые умереть за добраго князя".—„Не за меня, отвѣчалъ ему Михаилъ, но за множество людей невинныхъ, лишаемыхъ крова отеческаго, свободы и жизни. Вспомните рѣчь евангельскую: кто положитъ душу свою за друга, той великъ наречется. Да будетъ намъ слово Господне во спасеніе!"

Кто видѣлъ этотъ бой, говоритъ лѣтопись, тотъ плакалъ отъ радости. Таковымъ было торжество русскаго оружія, поднятаго за слабыхъ и угнетенныхъ.

Славный князь, любимецъ народа Димитрій Донской, отправляясь въ походъ, былъ выразителемъ русскаго духа. „Богъ заступникъ нашъ!"—говорилъ онъ въ напутствіе войскамъ своимъ. Преподобный Сергій, предоставилъ ему сподвижниками двухъ иноковъ: Пересвѣта, бывшаго брянскимъ бояриномъ и мужественнымъ витяземъ и Ослябю. Вручая имъ знаменіе креста, онъ говорилъ: „вотъ оружіе нетлѣнное! да служитъ оно вамъ вмѣсто шлемовъ!"

Русскіе люди шли за ними въ неравный бой, шли воодушевленные вѣрою въ русскую правду, шли на могучаго врага, разорявшаго ихъ родину, на безчисленныя татарскія орды, и славною Куликовскою битвою проявили всю мощь народнаго духа, побѣдивъ врага.

Умирая, Димитрій Донской благословлялъ окружавшихъ его: „Богъ мира да будетъ съ вами“.

При Іоаннѣ III Васильевичѣ, по изслѣдованію Карамзина, „Россія, столь долго губимая татарами, сдѣлалась ихъ покровительницею и вѣрнымъ убѣжищемъ въ несчастіяхъ“. Но не грубою силою достигнуто это величіе Руси, а великодушіемъ.

Лучшею характеристикою царствованія Іоанна III, въ которой, однако, ярко отражается чувство нескрываемой зависти, служатъ слова Стефана IV Молдавскаго: „Сватъ мой странный человѣкъ: сидитъ дома, веселится, спитъ покойно и торжествуетъ надъ врагами. Я всегда на конѣ и въ полѣ, а не умѣю защитить земли своей“.

Грозные годы испытанія для русскаго

народа наступили съ воцареніемъ Іоанна IV. Но и эти грозные годы не унизили духа россіянъ, какъ не унизило его и нашествіе Батыя и Мамая.

Въ старыхъ русскихъ городахъ, среди православныхъ церквей, въ первопрестольной Москвѣ, по повелѣнію грознаго царя входили на лобное мѣсто и смерды, и бояре, и торговые люди, чтобы передъ толпой молящихся россіянъ быть обезглавленными. За что казнили ихъ—немногіе изъ нихъ знали; не зналъ этого и народъ; и, не зная причинъ ужасныхъ казней, не проклиналъ жестокость повелителя, не поднималъ возстанія, но молился за осужденныхъ. Жертвы грознаго царя встрѣчали свой послѣдній часъ и на площадяхъ, и въ царскихъ хоромахъ за столомъ шумнаго пира, и въ монастырской келіи, во время тихой послѣдней молитвы. Иноземцы называли его мучителемъ, тираномъ, но русскій народъ далъ ему имя—Грозный.

Ни одинъ россіянинъ не могъ быть увѣренъ, что не сложитъ свою голову на плахѣ, но каждый видѣлъ, что родина его крѣпнетъ и

растетъ и глубоко вѣрилъ, что она и будетъ расти и развиваться, пока царствуетъ Іоаннъ. Что значитъ личная жизнь каждаго передъ жизнью родины,—и народъ въ бранные годы вставалъ желѣзной щетиной подъ знамена того же московскаго царя. Отцы и братья безвинно казненныхъ забывали чувство злобы, досады, тоски и, вдохновляемые царскимъ призывомъ, сплачивались въ могучее духомъ войско и побѣждали врага. Кѣмъ взяты Астрахань, Казань, Сибирь, какъ не тѣми же гонимыми, притѣсняемыми, истязаемыми русскими людьми, которыхъ пережитый страхъ, пережитыя страданія не обезсилили, но закалили. Не правы тѣ историки, которые объясняли покорность русскаго народа Іоанну малодушіемъ, боязнью, безсиліемъ; не правы тѣ историки, которые долготерпѣніе русскаго народа называли робостью, преданность престолу—рабствомъ. Что русскій народъ не знавалъ чувства робости объ этомъ ярко говорятъ его побѣды на ратномъ полѣ; что россіяне не были рабами объ этомъ ясно говоритъ хотя бы то, что послѣ смерти Іоанна они простили ему даже его

злобу, они вычеркнули изъ названій, присоединенныхъ къ его имени современниками слово „мучитель“ и, обозрѣвая усилившуюся за его царствованіе Русь, замѣнили это вычеркнутое названіе инымъ — „грозный“. Рабы поклонялись тирану при его жизни; послѣ смерти его—проклинали, мстили безсильному праху, нерѣдко надругались надъ прахомъ бывшаго повелителя. Русскіе люди, пережившіе грозу своеволія Іоанна, сохранили къ нему и послѣ смерти то благоговѣйное отношеніе, какимъ оно было и при его жизни. Народъ, изъ котораго вышли бояринъ Морозовъ и митрополитъ Филиппъ не можетъ называться рабскимъ. Только силою духа, величіемъ русскаго духа объясняется то долготерпѣніе, съ которымъ переживалъ народъ царствованіе Іоанна. Только бы жила и крѣпла родина—такъ думалъ каждый; только бы враги не расхищали земли русской, не разграбляли бы церквей, не оскорбляли бы иконъ православныхъ—за это молился каждый россіянинъ.

И въ царствованіе Іоанна эти молитвы исполнялись Богомъ. Это ясно сознавалъ народъ и за это прощалъ Іоанну его своеволіе

Храмы переполнялись молящимися: русскіе люди молились за убитыхъ на плахѣ и убитыхъ на войнѣ, и равно славили ихъ мужество; молились и за царя мучителя, и за царя строителя и побѣдителя враговъ, и просили у Бога одного: жила бы только святая Русь.

Исторія страданій русскаго народа за время царствованія Іоанна, окончившаяся всепрощеніемъ, свидѣтельствуетъ только о великодушіи народа.

„Исторія злопамятнѣе народа“—говорилъ Карамзинъ, заканчивая описаніе царствованія Грознаго. Но эти слова примѣнимы только къ русскому народу. Если историкъ, не знавшій лично Іоанна, не видѣвшій лично проявленій его жестокой воли, не имѣвшій среди казненныхъ имъ людей ни отца, ни брата, ни друга, не могъ простить ему его жестокость, то какъ велики были духомъ тѣ, которые все это видя, теряя на плахѣ своихъ родныхъ и друзей, отвѣчали прощеніемъ, забывали зло, становились для защиты родины подъ знамена этого жестокаго человѣка, проявляли непоборимое мужество и побѣждали враговъ.

Жила бы только Россія!

Нѣтъ, эти люди не были рабами и варварами, не были трусами; это—наши великіе предки, нашъ великій духомъ русскій народъ.

Все царствованіе Іоанна было тягчайшимъ испытаніемъ русскаго духа. Русскій народъ это испытаніе превозмогъ.

Наступилъ 1584 годъ. На престолъ вошелъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ. Митрополитъ Діонисій, возлагая на царя крестъ Мономаховъ, бармы и вѣнецъ на главу, наставлялъ его завѣтамъ предковъ: „блюди хоругвіи великія Россіи!“ Указавъ въ чемъ заключается долгъ царя по отношенію къ своимъ подданнымъ, митрополитъ внушалъ ему не жажду ратныхъ подвиговъ, не захватъ чужихъ земель, но добродѣтель и миролюбіе. „Цари намъ вмѣсто Бога,—говорилъ Діонисій,—Господь ввѣряетъ имъ судьбу человѣческаго рода, да соблюдаютъ не только себя, но и другихъ отъ зла; да спасаютъ міръ отъ треволненія и да боятся серпа небеснаго! Какъ безъ солнца мракъ и тьма господствуютъ на землѣ, такъ и безъ ученія все темно въ душахъ. Будь же любомудръ, или слѣдуй муд-

рымъ; будь добродѣтеленъ, ибо едина добродѣтель украшаетъ царя, едина добродѣтель безсмертна. Хочешь ли благоволенія небеснаго? благоволи о подданныхъ... Не слушай злыхъ клеветниковъ, о царь, рожденный милосердымъ! Да цвѣтетъ во дни твои правда; да успокоится отечество! И возвыситъ Господь царскую десницу твою надъ всѣми врагами, и будетъ царство твое мирно и вѣчно въ родъ и родъ!“

Устами митрополита Діонисія вѣнчающемуся на царство Ѳеодору были преподаны завѣты предковъ, завѣты русскаго народа. И этимъ завѣтамъ молодой царь былъ вѣренъ до смерти. Но слабоволіе государя въ дѣлахъ управленія царствомъ побудило его опираться на болѣе сильнаго волею. Этой опорой явился Годуновъ и уже въ 1591 году о немъ писали бояре: „Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ есть начальникъ земли; она вся приказана ему отъ самодержца, и такъ нынѣ устроена, что люди дивятся и радуются.“

Годуновъ искусно игралъ роль правителя, искусно вліялъ на царя заслуживая его пол-

ное довѣріе, и этимъ объясняются его успѣхи за время царствованія Θеодора и за первый періодъ своего царствованія.

Но рано или поздно неискренность должна была обнаружиться, и чѣмъ позже она открывалась, тѣмъ трагичнѣе становилась развязка. Мудрость и необычайная энергія неотъемлемы отъ Годунова, онъ увлекалъ ими и россіянъ, и иностранцевъ. Все его управленіе наполнено неустанными переговорами то съ Австріей, то съ Польшей, то съ Англіей, то съ Турціей и Персіей, то съ Даніей, Швеціей, Римомъ, Флоренціей и др. Этими переговорами, по его словамъ, онъ стремился поддержать миролюбивое отношеніе между государствами, развить внѣшнюю торговлю Россіи, или пытался провести Θеодора на польскій престолъ, или предоставить таковой австрійскому императору. Однако, и тогда славянскій духъ польскаго народа, не отказываясь склониться подъ короною русскаго царя, рѣзко отстранилъ кандидатуру Максимиліана.

На совѣтѣ съ московскими послами, въ Каменцѣ, депутаты польскаго сейма говорили:

„Знаемъ обычай австрійцевъ искоренять права и вольности въ земляхъ, которыя имъ поддаются, и вездѣ обременять жителей несносными налогами. Къ тому же у насъ писано въ книгахъ и вошло въ пословицу, что славянскому языку не видать добра отъ нѣмецкаго".

Популярность Годунова росла съ каждымъ годомъ и не только въ предѣлахъ Россіи, но и за ея предѣлами.

Въ 1596 году англійская королева Елизавета писала ему: „Ты истинный благодѣтель англичанъ въ Россіи, единственный виновникъ правъ и выгодъ, данныхъ имъ царемъ, тайно извѣстилъ меня, что послы императора (австрійскаго) и папы, будучи въ Москвѣ, вымыслили гнусную клевету о моемъ мнимомъ союзѣ съ турками противъ державъ христіанскихъ". Она увѣряетъ его, что подъ вліяніемъ Россіи старалась удалить бѣдствіе войны отъ австрійской державы, но „Австрія желала войны; теперь жалѣетъ о томъ, но поздно".

Королева запрещаетъ книгу Флетчера, оскорбившую Россію, написанную съ явнымъ недо-

брожелательствомъ по отношенію къ русскому народу.

Но чѣмъ больше прислушивалась Европа къ голосу Бориса Годунова, тѣмъ болѣе и болѣе разгадывалъ русскій народъ его главныя замыслы: получить русскій тронъ получить во что бы то ни стало.

Заключеніе въ тюрьму и убійство князя Шуйскаго, „спасителя Пскова и русской чести воинской, мужа безсмертнаго въ исторіи“; заключеніе въ монастырь вдовы ливонскаго короля Маріи, правнучки Іоанна Великаго, и расправа съ Романовыми, Черкасскими, Шереметевыми подготовляли въ народной душѣ непоборимый протестъ. Борисъ замѣчалъ поднимающійся ропотъ русской души; умъ говорилъ ему о силѣ русскаго духа, сердце его теряло покой.

Наступилъ 1598 годъ. Москва колокольнымъ звономъ встрѣчаетъ своего новаго царя, а Годуновъ вмѣсто скипетра беретъ мечъ и спѣшитъ въ ратное поле.

Угрожалъ ли въ дѣйствительности Кара-Гирей или Годуновъ искалъ смерти—знаетъ только Богъ.

Избранный, но не коронованный еще, царь прилагаетъ всѣ свои силы, чтобы собрать наибольшую рать, чтобы отвлечь небывалымъ сраженіемъ мысли отъ прошлаго. Обманъ удается, русскій народъ въ послѣдній разъ проявляетъ ему довѣріе и для защиты родины, подъ знамена Бориса стекается „знаменитое ополченіе". Полумилліонное войско, по свидѣтельству лѣтописца, двинулось на враговъ Россіи, увѣнчавъ славою ч ло своего вождя.

Но прошла счастливая пора для Годунова. Народъ разгадалъ его душу. Тревожный слухъ, что царевичъ Димитрій убитъ по мысли Годунова дошелъ и до парода,—и народъ лишилъ довѣрія того, кого чтилъ царемъ.

Наступилъ 1605 годъ. Борисъ снова кличетъ войска, чтобы отразить наступающаго самозванца. Но рѣчь его не находитъ отклика въ русскомъ сердцѣ. Годуновъ требуетъ, проситъ, увѣщеваетъ; Годуновъ расточаетъ милости и обѣщанія; Годуновъ грозитъ, сулитъ казнь лѣнивымъ и безпечнымъ, и, примѣнивъ всѣ мѣры униженія предъ народомъ и запугиванія его, собралъ только полусотню тысячъ всадни-

ковъ подъ Брянскомъ, вмѣсто полумилліона тѣхъ, которые добровольно явились къ нему 7 лѣтъ тому назадъ. Тогда русскій народъ вѣрилъ царю и побѣждалъ, теперь этой вѣры не было, не искалъ онъ и побѣды.

Съ 1605 года начались новыя испытанія для души русскаго народа. Народъ начинаетъ искать царя. Онъ то идетъ за самозванцемъ, то ищетъ сильнаго въ боярской средѣ, то въ средѣ народной.

Лжедимитрій являлся каррикатурой Годунова, но оба они были одинаково далеки отъ народа, которымъ повелѣвали.

Обращаясь къ нѣмцамъ Лжедимитрій говорилъ: „будьте для меня то же, что вы были для Годунова: я вѣрю вамъ болѣе, нежели своимъ русскимъ!“

Но былъ-ли онъ для русскихъ „своимъ“, — это ясно каждому.

Французскому королю Генриху IV онъ говорилъ: „я могу удержаться на престолѣ двумя способами: тиранствомъ и милостію“.

Народъ терпѣлъ самозванца. Долготерпѣніе—свойство русскаго духа. Но когда оно

приходитъ къ концу — нѣтъ силы, которая могла бы отстранить, обезсилить приговоръ его, выносимый виновному.

Народъ видѣлъ, какъ новый царь нарушалъ завѣты предковъ, какъ открыто оскорблялъ честь, вѣру и обычаи россіянъ, онъ видѣлъ, какъ тяготѣлъ Лжедимитрій къ нѣмцамъ, іезуитамъ, ясновельможнымъ польскимъ панамъ; съ глубокою скрытою тревогою, съ замкнутымъ въ глубинѣ ума напряженіемъ слѣдилъ онъ за нарушеніемъ святѣйшихъ законовъ нравственности. Чего же ждалъ онъ? Божьей грозы, озаряющей русское сердце, зажигающей русскій духъ.

Но когда наглость самозванца, окруженнаго иноземцами, коснулась дочери, хотя и не любимаго, но все же бывшаго русскаго царя Бориса, когда русскій народъ узналъ, что самозванецъ, убивъ царицу мать и брата Ксеніи, обезчестилъ эту чистую русскую дѣвушку и заточилъ въ монастырь,—чаша терпѣнія переполнилась: гнѣвно стукнуло русское сердце и громомъ прокатилось по широкой Руси; искра народнаго гнѣва грозой засверкала надъ похи-

тителемъ шапки Мономаха. „Не царь ты, но обманщикъ, извергъ, лиходѣй“ — неслось къ оскверненному трону изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи.

Православные храмы перестали молиться за самозванца—церковь отреклась отъ него.

Начался бой русскаго духа съ иноземнымъ духомъ лжецовъ и злодѣевъ.

17 мая 1606 года, въ ясный весенній день, въ 4 часу дня, ударилъ колоколъ церкви св. Иліи. Величественъ былъ этотъ первый ударъ. Дрогнула бѣлокаменная столица и на этотъ мощный призывъ отвѣчала всѣми колоколами златоглавыхъ, яркорасписныхъ церквей. Широкою волною устремился народъ на Красную площадь.

Кто царствовалъ въ это время надъ Русскою Землею? Единый могучій царь—Русскій Духъ.

„Во имя Божіе идите на злого еретика!“— раздавалось съ лобнаго мѣста. „Къ самозванцу! къ самозванцу!“—отвѣчала толпа... Дворецъ самозванца окруженъ народомъ. Басмановъ встрѣчаетъ толпу. „Веди насъ къ самозванцу!

Выдай намъ своего бродягу!“ —гремѣла толпа. Басмановъ бѣжитъ къ Лжедимитрію: „Все кончено!“ —кричитъ онъ своему повелителю— „Москва требуетъ твоей головы! Спасайся!“ Басмановъ снова выбѣгаетъ къ толпѣ. Онъ пытается остановить толпу. Замѣтя князей Голицыныхъ, Салтыкова и Татищева, котораго спасъ отъ ссылки, онъ молитъ ихъ прекратить ужасы бунта. Но это не былъ бунтъ. Русскій духъ приводилъ въ исполненіе приговоръ русской совѣсти.

„Злодѣй! —отвѣчалъ Татищевъ, — иди въ адъ вмѣстѣ со своимъ царемъ!“ —и ударилъ ножомъ въ сердце Басманова.

Растерянность, душевное ничтожество Лжедимитрія, проявили себя во всей полнотѣ, вызывая только презрѣніе и отвращеніе.

Начался допросъ: „кто ты?“ Самозванецъ продолжалъ лгать: „я Димитрій“. — „Несите меня на лобное мѣсто, тамъ объявлю истину всѣмъ людямъ“, —просилъ онъ.

Но лобное мѣсто было слишкомъ почетнымъ для него: на лобномъ мѣстѣ умирали русскіе люди гордо и мужественно... „Вино-

венъ!“—прогремѣлъ голосъ народа, — и два выстрѣла прекратили порочную жизнь.

Русскій духъ свершилъ свое правое дѣло...

Православная церковь, въ годины тяжелыхъ переживаній, всегда являлась выразительницею русскаго духа. Монахъ и воинъ шли рука объ руку, вдохновляемые однимъ и тѣмъ же чувствомъ. Болѣе того, воинъ былъ монахомъ и монахъ былъ воиномъ. Достаточно вспомнить защиту Троице-Сергіевской Лавры.

Лѣтописецъ говоритъ: „когда бѣдствіе и гибель ежедневно намъ угрожали, мы думали только о душѣ“. Никто въ это время не считалъ убитыхъ и никого не страшила смерть.

Ни сила, ни хитрость не измѣняли прямого пути русскаго духа, не затемняли его чуткой прозорливости.

Когда Сапѣга узналъ о движеніи Скопина и Шереметева на помощь къ Лаврѣ, онъ подослалъ подкупленныхъ имъ измѣнниковъ къ вѣковѣчнымъ стѣнамъ, и посланные увѣряли осажденныхъ, что и Скопинъ и Шереметевъ сдались.

„Кого еще ждете?“ — спрашивали они.

„Если одни будете противиться, то немедленно увидите здѣсь царя гнѣвнаго со всѣмъ литовскимъ войскомъ, Скопинымъ и Шереметевымъ, для казни вашего ослушанія“.

Защитники Лавры, люди простые, но умные, отвѣчали имъ: „Всевышній съ нами, и никого не боимся! Ложь не побѣда; идите съ мечомъ на мечъ, и Господь разсудитъ виновнаго съ правымъ!“

Сапѣга, понявъ силу русскаго духа, силу русской народной вѣры, бѣжалъ со своими полчищами.

16 мѣсяцевъ была обложена Лавра непріятельскими войсками, преодолѣвая численный перевѣсъ противника, нужду и болѣзни, и спустя этотъ долгій періодъ испытаній „обратила свои башни и стѣны, дебри и холмы,— какъ замѣчаетъ Карамзинъ, — въ памятники доблести безсмертной“.

Исторія германскихъ народовъ не говоритъ намъ о такомъ величественномъ подъемѣ народнаго духа, который видѣла Россія въ 1610—13 годахъ. Въ златоглавой, бѣлокаменной Москвѣ бушуетъ вражеская сила.

Молчаливо стекается народъ на широкія площади Нижняго-Новгорода, молчаливо внимаетъ роковому посланію Троице-Сергіевской лавры о бѣдствіяхъ, переживаемыхъ златоглавою Москвою, молчаливо вникаетъ въ глубокія слова „Повѣсти о преславномъ Россійскомъ Царствѣ“, призывавшія „лучше славно умереть, нежели безчестно и горько жить“.

—„Что дѣлать?“—одинъ этотъ вопросъ томилъ русское сердце.

И вотъ, прозвучалъ въ отвѣтъ одинокій голосъ простолюдина Минина: „Что дѣлать?! Отдадимъ все наше имущество, продадимъ наши дома, заложимъ женъ и дѣтей, и освободимъ отечество!“

„Отдадимъ все! Идемъ къ Москвѣ!“—загремѣло русское сердце. Всколыхнулась великая неисчерпаемая русская сила, всколыхнулась—и освободила бѣлокаменную Москву; загремѣла въ литые колокола, заглушила междоусобіе и избрала на царство миролюбиваго Михаила.

Не съ проклятіями, не съ угрозами, не съ боевымъ кличемъ врѣзались казаки во враже-

скія войска; два слова были у всѣхъ на устахъ: „Сергій Преподобный!“

Вспоминается могучая, свѣтлая душа Ивана Сусанина, а вѣдь его душа—душа русскаго народа.

Какая мощь въ 1654 году слышалась въ голосѣ славнаго запорожья: „Волимъ подъ царя восточнаго, православнаго. Боже утверди! Боже укрѣпи! Чтобы мы во вѣки всѣ едино были!“ А царемъ былъ „тишайшій“ Алексѣй Михаиловичъ.

Великій сынъ его, въ критическую минуту для жизни родины, читалъ войскамъ незабываемый приказъ: „Воины! Пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Не помышляйте, что сражаетесь за Петра, но за государство, Богомъ Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за вѣру и церковь. А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога—только бы жила Россія, благочестіе и благосостояніе ея“.

Русское войско отвѣтило ему славою Полтавскаго боя.

Какой народъ проявилъ такое величіе духа,

какое проявилъ русскій народъ въ отечественную войну 1812 года. Пылающая Москва—развѣ это не величайшій памятникъ русскаго духа.

„Служите Россіи“ —завѣщалъ своимъ сыновьямъ Александръ II. „Иду молиться за Россію“—были его послѣднія слова.

Прочтите горячія статьи періодической печати республиканской Франціи 1894 года, посвященныя Россіи и почившему монарху Александру III. Всѣ, начиная съ Леруа Болье, до самыхъ крайнихъ либераловъ именовали нашу родину „колыбелью мира“, „миромъ управлявшею всѣми народами“.

Кто первый поднялъ голосъ о всеобщемъ разоруженіи? Гаага является вѣчнымъ памятникомъ миролюбія русскаго народа и его державныхъ вождей.

Вотъ почему православная Церковь искренно молилась за русское воинство, защищающее угнетенныхъ, воинство сильное и грозное великимъ русскимъ духомъ.

Вспоминаются глубокія слова русскаго пастыря, протоіерея Янышева, сопутствовавшія

манифестъ 1877 года о началѣ войны за славянъ:

„Русская православная Церковь именемъ Бога мира и любви всегда благословляла мечъ вѣнценосныхъ вождей Россіи и ихъ христолюбиваго воинства именно потому, что онъ существуетъ для брани только съ врагами мира и любви, и слѣдовательно съ врагами Креста Христова, что этотъ мечъ всегда страшенъ только для злыхъ, но не для добрыхъ людей; поднимается не изъ за дикой страсти къ войнѣ, которая такъ несвойственна миролюбивому характеру всего русскаго народа, а для защиты невинно страдающихъ отъ этой страсти, и не затѣмъ, чтобы увеличивать свои земли, которыхъ у русскаго народа болѣе, чѣмъ онъ можетъ обработать ихъ, а затѣмъ, чтобы возвратить отнятое у нашихъ ближнихъ, обезпечить имъ то, что имъ искони принадлежало, и дать имъ возможность мирнаго существованія и преуспѣянія; не тотъ первый поднимаетъ мечъ, кто защищаетъ жизнь и достояніе другихъ людей, а тотъ, кто посмѣивается надъ этою жизнью и соб-

ственностью въ угоду своихъ безчеловѣчныхъ страстей и въ то же время коварно разсчитываетъ на христіанское миролюбіе... Такія великія и святыя дѣла совершаются только чистыми руками; сердцами, исполненными не только храбростью, но и всѣхъ плодовъ Святого Духа; народами, въ которыхъ вмѣстѣ со страхомъ Божіимъ и искони свойственною русскому народу преданностью престолу, господствуютъ чистые нравы, взаимная любовь и уваженіе, воздержаніе, трудолюбіе, а съ этимъ и способность и готовность на всякій подвигъ и на всякую жертву, какихъ бы только ни потребовалъ отъ насъ успѣхъ нашего дѣла... Это духовное или нравственное всеоружіе составляетъ такой залогъ нашихъ побѣдъ, который не доступенъ никакому матеріальному оружію... съ этимъ всеоружіемъ даже побѣжденные матеріально, мы побѣдимъ врага, ибо обогатимъ нашихъ братьевъ примѣромъ нравственныхъ доблестей, которыя для враговъ Креста Христова гибельнѣе всякаго матеріальнаго оружія".

Во время призыва, въ Москвѣ, ратниковъ

ополченія, для той же войны, протоіерей Рождественскій говорилъ:

„Эта брань священна она подъята въ сохраненіе вѣры православной, въ защиту правъ человѣчества, въ лицѣ единокровныхъ и единовѣрныхъ нашихъ братьевъ-славянъ, много вѣковъ попираемыхъ невѣрными иноплеменпиками“.

Къ той-же священной войнѣ за угнетенныхъ и разоряемыхъ призваны русскія войска и нынѣ.

Могутъ замѣтить, что тогда ихъ притѣсняли турки, теперь мы ведемъ войну противъ христіанъ.

Да, это правда. Тогда мы вели войну противъ темного народа, не познавшаго еще ученіе Христа; теперь ведемъ войну противъ развращенныхъ полчищъ, отвергнувшихъ чистое ученіе любви и мира для цѣлей корыстныхъ, цѣлей мести.

Каковы эти христіане—говоритъ намъ сербская поговорка, не сходящая нынѣ съ устъ сербовъ: „Лучше турокъ съ саблей, чѣмъ нѣмецъ съ перомъ“. А сложилась эта поговорка

еще двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда въ 1718 году, Сербія подпала подъ власть Австріи.

Когда германскіе вожди составляли свои полчища только изъ наемниковъ, русскій народъ жилъ по своей пословицѣ: „Добраго солдата выбираютъ, а не покупаютъ“. Съ какою любовью относился русскій народъ къ своимъ ратнымъ избранникамъ, съ какою вѣрою смотрѣлъ на ихъ чистое дѣло говоритъ другая пословица: „Солдатъ, да малыхъ ребятъ—Богъ бережетъ“. А нѣмцы считали своихъ наемниковъ грабителями и разбойниками. Что значила для нихъ честь, когда даже самъ Шиллеръ, характеризуя нѣмецкаго солдата, уже своего времени, восклицаетъ:

„Что же, скажите, солдату опора,
Что же онъ долженъ хранить и беречь?
Честь! Надо собственность дать человѣку,
Иначе станетъ онъ рѣзать и жечь“.

Для русскаго солдата опорою была вѣра его въ русскую правду, вѣра въ Бога, и потому смерть на войнѣ была для него славною смертью за правду.

„Славная кончина есть, говоритъ протоіерей Иванцовъ-Платоновъ, умереть за славу Божію и благо ближнихъ, умереть за вѣру и отечество, умереть за свободу и благо милліоновъ людей. Подвигъ воина, полагающаго жизнь свою за брата, если онъ принимается съ вѣрою и преданностью, съ любовію и самоотверженіемъ, считается равнымъ подвигу мученическому“.

II

Война въ опредѣленіи русской военной науки.

Въ предыдущей главѣ, заглянувъ въ прошлое Россіи, мы краткимъ очеркомъ охарактеризовали проявленіе русскаго духа въ періоды наиболѣе критическихъ переживаній, ниспосланныхъ судьбою нашей родинѣ.

Въ настоящей главѣ мы освѣтимъ войну съ точки зрѣнія русской военной науки.

Что такое война?

„Въ жизни каждаго самостоятельнаго народа,—отвѣчаетъ профессоръ Лобко,—бываютъ такія эпохи, когда требуется полное могущественное развитіе силъ всѣхъ гражданъ, сосредоточеніе этихъ силъ на одномъ предметѣ, организація ихъ вокругъ одной воли, проявленіе

ихъ въ одномъ, наполняющемъ жизнь всѣхъ и каждаго, дѣйствіи. Это дѣйствіе, наиболѣе замѣчательное и грозное въ жизни человѣческихъ обществъ, называется войною".

Это конкретное опредѣленіе генералъ Лобко пополняетъ вторымъ, указывающимъ значеніе войны, какъ опредѣлительницы достоинствъ воюющихъ народовъ. Онъ пишетъ: „мѣриломъ достоинствъ каждаго народа и законности его историческаго существованія служитъ то, что онъ въ состояніи сдѣлать въ эпохи войны, когда вполнѣ напрягаетъ свои силы и жертвуетъ собою для достиженія своихъ жизненныхъ задачъ".

Военная наука опредѣляетъ войну какъ крайнее средство политики.

„Война есть споръ о правѣ между государствами разсматриваемыми какъ политическія силы",—говоритъ профессоръ ген. Лееръ, авторъ „Опытовъ критико-историческаго изслѣдованія законовъ искусства веденія войнъ", „Положительной стратегіи", Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ" и др.

Вопреки общему мнѣнію германской воен-

ной и общей литературы, онъ считаетъ долгомъ подчеркнуть то, что въ нашъ вѣкъ должно было бы казаться яснымъ и безъ поясненій: „Война ведется не ради самой себя". Война для войны—это германская формула. Война для мира—формула славянская.

„Война, говоритъ далѣе авторъ, въ сущности явленіе естественное въ жизни народовъ, борьба лежитъ въ основаніи всего живущаго, которое хотя и имѣетъ свою широкую злую сторону, но которое, въ концѣ концовъ, при благоразумномъ орудованіи этимъ средствомъ, является однимъ изъ самыхъ быстрыхъ и могущественныхъ цивилизаторовъ человѣчества".

„Борьба лежитъ въ основѣ всего живущаго. Всѣ силы природы находятся въ постоянной борьбѣ между собою, стремясь къ созданію новаго и болѣе совершеннаго путемъ разрушенія стараго и отжившаго. Таковъ основной законъ природы; человѣчество, составляя часть ея, въ своей дѣятельности подчиняется тому же закону. Вотъ почему войны были и будутъ".

Но природа надѣлила человѣка и качествами и недостатками. Законы всѣхъ странъ борются

съ недостатками, вытекающими даже изъ самой человѣческой природы. А потому и не всякая война, опять-таки вопреки германской логикѣ, должна представляться неустранимою.

„Война законна, когда необходимость ея вытекаетъ изъ народныхъ интересовъ; когда къ ней приходится обращаться для защиты отъ нападеній сильнаго, какъ къ самозащитѣ, — оборонительная война. Да и наступательная война можетъ быть вполнѣ законна, когда къ ней приходится обращаться: для предупрежденія нападенія на насъ другого государства, чтобы непозволить сильному государству подавить болѣе слабое и тѣмъ, въ ущербъ остальнымъ, нарушить политическое равновѣсіе; когда наступательная война предпринимается съ цѣлью распространенія цивилизаціи между варварскими народами“.

Заставляя народы переживать высшее напряженіе своихъ силъ, подводить итоги прошлаго, подчеркивая сдѣланныя ошибки, и жестоко наказывая за нихъ, война, ведетъ народы не только къ разоренію, но и совершенствованію.

Военная наука не находитъ въ распоряженіи человѣка средствъ для замѣны войны, ибо нѣтъ власти, рѣшенія которой могли бы быть признаны обязательными для независимыхъ государствъ, но перестроить систему войнъ для сокращенія числа жертвъ, она считаетъ необходимымъ. „Отмѣнить войны и замѣнить ихъ какимъ-либо другимъ средствомъ, говоритъ ген. Лееръ, человѣчество не можетъ, но что оно можетъ и должно, такъ это смягчить злую сторону войны, т. е. цѣлесообразно пользоваться этимъ срашнымъ средствомъ".

Къ тому же выводу о неустранимости изъ человѣческой жизни войны приходитъ и авторъ „Исторіи военнаго искусства" ген. Пузыревскій.

„Вопросы объ устраненіи войны относятся къ области отвлеченной философіи, но сезерцая человѣчество въ современномъ его составѣ, повсюду встрѣчая явленія ожесточенной борьбы, наблюдая въ народахъ не изжившую способность ставить идейные интересы выше матеріальныхъ и для достиженія ихъ жертвовать не только своимъ достояніемъ, но пускать въ ходъ всѣ средства борьбы, не останавливаясь и передъ

пожертвованіемъ жизни; нельзя не притти къ заключенію, для однихъ — плачевному, для другихъ—естественно необходимому, что еще на много столѣтій впередъ великіе международные вопросы будутъ разрѣшаться борьбой на жизнь и на смерть, съ оружіемъ въ рукахъ!"

Бывшій военный министръ, фельдмаршалъ графъ Милютинъ, въ свое время, обращалъ особое вниманіе на внушеніе войскамъ непреложной обязанности употреблять оружіе только для ослабленія непріятельской арміи. „Вполнѣ достаточно, говорилъ онъ, если большее число людей у непріятеля выйдетъ изъ строя; но было бы варварствомъ усиливать страданія раненыхъ, выбывающихъ изъ строя. Воюющія стороны ни въ какомъ случаѣ не должны допускать зла болѣе, чѣмъ сколько нужно для достиженія цѣли. Всѣ страданія и всякій нанесенный ущербъ, которые не ослабляютъ противника, безполезны и не должны быть допускаемы".

Извѣстный русскій герой и не менѣе извѣстный военный писатель Драгомировъ является глубокимъ психологомъ войны.

Онъ глубоко задумывается надъ причинами, вызывающими войны и приходитъ къ заключенію: „Война—явленіе отъ человѣческой воли независящее".

Можно было бы протестовать противъ этого мнѣнія, доказывать его ошибочность, такъ какъ если бы и принять во вниманіе, что война вытекаетъ изъ самой природы человѣческой, то и тогда лишать волю силы и первенствующей роли было бы неосновательно. Но мы полагаемъ, что говоря о войнѣ, не зависящей отъ воли, Драгомировъ имѣетъ въ виду только одну воюющую сторону, а именно ту, которой войну объявляютъ. Мы полагаемъ, кромѣ того, что отвѣтственность за войну несетъ не тотъ, кто объявляетъ войну, а тотъ, кто дѣлаетъ ее необходимою, но исторія и для даннаго случая даетъ множество примѣровъ, когда роль объявляющаго войну совпадала въ одной волѣ съ ролью сдѣлавшаго войну необходимою. Можно ли, напримѣръ, утверждать, что всѣ войны, объявленныя Наполеономъ, не зависили отъ его воли. Но и въ данномъ случаѣ Драгомировъ имѣетъ еще и другое оправданіе: онъ—русскій.

Имѣя, очевидно, въ виду только исторію своей родины, онъ въ правѣ былъ заявить, что большинство войнъ, которыя суждено было вести Россіи, не зависили отъ воли русскихъ.

Анализируя идею войны Драгомировъ говоритъ: „Война есть дѣло противное только одной сторонѣ человѣческой природы, именно человѣческому инстинкту самосохраненія, но вовсе не противна всей человѣческой природѣ и въ особенности разуму".

На этомъ его анализъ не останавливается; онъ вникаетъ глубже въ рѣшеніе задачи и прибавляетъ: „Если борьба нелогичная съ точки зрѣнія разсудка, имѣетъ мѣсто въ явленіяхъ народной жизни, то это доказываетъ не ничтожество идей въ нихъ, а только то, что есть еще и другія силы, производящія эти явленія совмѣстно и современно съ идеями".

Сторонники вѣчнаго мира громко высказывали, что съ развитіемъ общественности должны прекратиться войны. Вѣрилъ въ это и графъ Л. Н. Толстой и даже Владиміръ Соловьевъ. Но Драгомировъ отвѣчалъ имъ: „Съ развитіемъ общественности сила права не уничтожаетъ

права силы, а только переводитъ его въ скрытое состояніе: за судьей стоитъ полицейскій; за полицейскимъ солдатъ".

Противники войны вѣрятъ,что наступитъ время ненарушаемаго мира, и войны останутся только преданіемъ прошлаго. Драгомировъ не ищетъ этого будущаго и его не желаетъ.

„Войны прекратятся, когда ни въ духовной, ни въ матеріальной области массовой жизни не будетъ возникать ничего новаго, или что то же, когда человѣчество изживетъ свое духовное содержаніе. Можетъ быть это непріятно, но вѣрно: или жизнь и ея неминуемый спутникъ борьба, или вѣчный миръ и во блаженномъ успеніи вѣчный покой".

Наиболѣе яркую характеристику войны и отношенія къ ней русскаго народа даетъ извѣстный военный писатель, профессоръ Сухотинъ, въ своей книгѣ „Война въ исторіи русскаго міра".

„Наша военная исторія, говоритъ Сухотинъ, свидѣтельствуетъ, что война всегда и во всѣ времена, стихійно и сознательно, почиталась у насъ дѣломъ священнымъ, великимъ и важ-

нымъ актомъ въ жизни государства. Война всегда была у насъ дѣломъ народнымъ: война всегда была войною за Вѣру, Царя и Отечество въ широкомъ и глубокомъ значенiи этихъ священныхъ словъ. Въ силу этого, въ нашей исторiи находимъ непреложное свидѣтельство тому, что всякой сомостоятельно веденной войнѣ, и въ особенности, въ послѣднiя столѣтiя, предшествуетъ болѣе или менѣе продолжительный перiодъ усилiй и попытокъ добиться удовлетворенiя политическихъ интересовъ и требованiй, въ данную минуту признающихся насущными для государства, иными, мирными путями; только послѣ того, какъ эти пути оказывались не ведущими къ цѣли, у насъ обращались къ войнѣ. Правда, что иногда эти интересы могли быть ошибочно понимаемы, или ихъ насущная потребность неправильно оцѣниваема, но никогда не сказывалось явнаго пренебреженiя собственно интерасами народа и государства".

Война — испытанiе духа. Ему генералъ Сухотинъ отдаетъ и побѣду.

„Кто устоитъ въ этомъ испытанiи духу,

тотъ и восторжествуетъ, такъ какъ побѣда всегда, во всѣ времена, на сторонѣ болѣе мощнаго духомъ, и этотъ законъ побѣды не можетъ быть измѣненъ никакими усовершенствованіями техническихъ силъ, никакимъ ростомъ матеріальной природы".

Но не о томъ духѣ идетъ здѣсь рѣчь, который, создавался стремленіями къ завоеваніямъ, захватамъ чужого, который вдохновлялся насиліями, кровью, самою войною, а о томъ, который зажигался вѣрою въ правду, вѣрою въ Бога. Русскій духъ—не духъ германскій: тяжелый, жестокій, мстительный;—не духъ австрійскій: заносчивый, мѣняющійся, трусливый; русскій духъ—ищетъ Божьей правды, вдохновляется Божьимъ опредѣленіемъ, полагается на Божью волю.

Тѣ представители русской военной науки, которые слагали свои выводы среди грома пушекъ и звона мечей, подтверждаютъ это.

„Война, писалъ Кульневъ—герой 1812 года,—имѣетъ свои прихоти на добро и зло, надо во всемъ полагаться на волю Божью". Герой той же войны Дохтуровъ, силою упова-

нія на Бога отождествляетъ съ вѣрою храбрость. „Въ безстрашіи, говоритъ онъ, нѣтъ никакой заслуги. Будемъ увѣрены, что на каждомъ ядрѣ и на каждой пулѣ написано, кому ими быть раненымъ или убитымъ“.

Изъ этого краткаго обзора ясно видно, что и наша военная наука, наше искусство веденія войнъ одухотворены не варварствомъ германской воинственности, но чувствомъ справедливости, сознаніемъ святого долга, стремленіемъ къ сохраненію мира и устоевъ государственнаго бытія, человѣколюбивою идеею защиты слабаго, интересами не только національными, государственными, но и общечеловѣческими.

Вотъ почему, по справедливому замѣчанію Сухотина, — „Русскій міръ своими войнами несъ миръ и благоденствіе живущему“.

III

Русскіе юристы о войнѣ.

Русскій народъ—народъ мира. Принимая участіе въ войнахъ, онъ не запятналъ себя жестокостью германскихъ племенъ. Его вожди, его законодатели прилагали всѣ усилія, дабы уменьшить жестокость войны.

Русскіе юристы глубоко изучили войну, и, не имѣя возможности прекратить ее, не жалѣли труда, чтобы и ее подчинить праву.

Въ настоящей главѣ мы остановимся на разсмотрѣніи войны съ точки зрѣнія нашихъ правовѣдовъ.

Мартенсъ, опредѣляя войну какъ борьбу между государствами—юридическими личностями, но не между отдѣльными людьми, ви-

дитъ въ ней результатъ народныхъ стремленій, ихъ страстей и заблужденій, ихъ добродѣтелей и пороковъ. Правовая война не есть средство обогащенія, не есть средство стремленій преобладать надъ другими, такая война является „средствомъ пріобрѣтенія условій физическаго существованія и щитомъ національной чести и славы". „Война такое страшное зло, которое человѣкъ не можетъ не ненавидѣть всѣмъ существомъ и всею душою". Но если война неизбѣжна, если оконченная война содержитъ въ себѣ зародышъ новой войны, то народъ обязанъ встрѣчать ее во всеоружіи и тѣмъ энергичнѣе примѣнять всю полноту своихъ силъ, чѣмъ глубже онъ ненавидитъ войну, чѣмъ сильнѣе, искреннѣе онъ желаетъ ея прекращенія.

Причины войны, по мнѣнію Мартенса, лежатъ, отчасти, въ самой человѣческой природѣ и, отчасти, во внѣшнемъ мірѣ. Цѣлью ея должно быть: возстановленіе права и мира.

Видя въ войнѣ испытаніе умственнаго и вообще культурнаго развитія народовъ, онъ говоритъ: „Чѣмъ выше нравственный идеалъ

даннаго народа, тѣмъ гуманнѣе онъ будетъ во время войны, тѣмъ добросовѣстнѣе онъ будетъ подчиняться правиламъ и законамъ войны".

Право войны въ субъективномъ смыслѣ,— опредѣляющее дѣеспособность народовъ къ начатію войны и пользованію правами, признанными за воюющими, и въ объективномъ,— являющееся собраніемъ законовъ и обычаевъ, опредѣляющихъ дѣйствія воюющихъ государствъ, вытекаетъ изъ естественныхъ, культурныхъ требованій справедливости.

Это не то право, о которомъ училъ романо-германскіе народы Титъ Ливій,—не право „истреблять жатвы, разрушать дома, похищать людей и животныхъ"; не то право, которое считало эти злодѣянія не позоромъ, но бѣдствіемъ; это—право, указывающее на необходимость избѣгать этихъ злодѣяній, право, порицающее проявленіе такого варварства, именующее его позоромъ, стремящееся воспрепятствовать повторенію дикой расправы древняго періода темныхъ народовъ.

Если исканіе правды, справедливости есть

не пустая, не праздная затѣя, а жизненная необходимость, глубоко сознанная разумомъ, то какое явленіе человѣческаго общенія болѣе, чѣмъ война, требуетъ урегулированія себя правомъ. Такихъ явленій нѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, право, охотно пріемлемое во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, строго охраняемое во всѣхъ областяхъ государственной жизни, становится спорнымъ вопросомъ въ наиболѣе напряженные періоды столкновеній государственной жизни—въ періоды войны. Юристу приходится не только требовать уваженія права, но доказывать, что право международное не есть мечта, не есть фантазія, но жизненное требованіе человѣчества. Эти доказательства приходится не только внушать дикому опьяненному борьбою и кровью племени, но и юристамъ странъ, именующихъ себя культурными и передовыми имперіями міра.

Не вызываетъ ли глубокаго удивленія то, что въ XX вѣкѣ такая страна, какъ Германія, нуждается въ первоначальныхъ лекціяхъ о правѣ, такая страна какъ Австрія—въ ука-

заніи ей на то, что всѣ обязательства, данныя ею всему міру на международныхъ конгрессахъ и конференціяхъ, ею нарушены.

Въ своихъ облетѣвшихъ весь свѣтъ сочиненіяхъ „Современное международное право", „Le fondement du droit international", „Собраніе трактатовъ и конвенцій", „Восточная война и брюссельская конференція" и др., професс. Мартенсъ пытается сдѣлать международное право наукой своего вѣка; но и ему приходится съ грустью прійти къ выводу: „международное право есть наука будущаго, идеала". Соглашаясь съ необходимостью войны при существующихъ захватныхъ стремленіяхъ со стороны наименѣе культурныхъ державъ, онъ, обращаясь къ воинствующему западу, говоритъ: „Право войны не есть вымыселъ досужей фантазіи, а результатъ историческаго опыта и современнаго состоянія международной жизни. Будучи глубоко убѣждены въ томъ, что наступитъ время, когда война дѣйствительно станетъ исключеніемъ, когда государства найдутъ болѣе цѣлесообразное средство для улаживанія возникающихъ между

ними распрей, мы увѣрены, что до того времени, по мѣрѣ большаго ознакомленія и взаимнаго пониманія народовъ, право войны представляется единственнымъ средствомъ отнять у войны ея звѣрскій характеръ и ограничить связанныя съ нею бѣдствія".

Профессоръ Мартенсъ принималъ горячее участіе почти во всѣхъ международныхъ конференціяхъ, собиравшихся за время его дѣятельности. Онъ былъ въ числѣ представителей и на Гаагской конференціи мира и въ числѣ представителей отъ Россій въ портсмутскомъ засѣданіи, прекратившемъ русско-японскую войну. На всѣхъ засѣданіяхъ Мартенсу приходилось проводить тѣ же основныя идеи международнаго права, но не всегда ему удавалось быть побѣдителемъ.

Маститымъ представителемъ русской юридической науки является профессоръ московскаго университета графъ Комаровскій, авторъ трудовъ „Война и миръ", „Главные моменты идеи мира въ исторіи", „Основные вопросы науки международнаго права", „Взгляды на различныя попытки смягчить ужасы войны"

и др., прилагаетъ также всѣ свои силы, чтобы сдѣлать войну въ рукахъ каждаго государства законнымъ, правовымъ средствомъ борьбы.

„Война для юриста, писалъ онъ, явленіе государственной жизни. Она представляется для него борьбой между государствами, величайшимъ напряженіемъ народныхъ силъ для достиженія такихъ благъ, которыя, будучи для нихъ необходимы, иными способами пріобрѣтены быть не могутъ".

Онъ не считаетъ войну какимъ-то неизмѣннымъ началомъ, но находитъ, что она мѣняется и по характеру и по цѣлямъ, въ зависимости отъ той среды, которою создается. Онъ вообще отрицаетъ серьезныя причины для объявленія войны—ихъ нѣтъ, но „искусственно создаются, либо чрезмѣрно раздуваются".

Онъ отрицаетъ законность, обоснованность начала войны. Но разъ война объявлена одною стороною, она обязательна и для другой. „Миръ есть требованіе самой природы современнаго государства". Но иногда, говорятъ западные теоретики, этотъ миръ достигается только войной: война очищаетъ атмосферу,

отвлекаетъ умъ отъ революціи и т. д. Графъ Комаровскій отрицаетъ и эти поводы. „Опытъ послѣднихъ войнъ, говоритъ онъ, ясно доказалъ каждому, что если мечомъ разрубались препятствія одного рода, то лишь для того только, чтобы дать мѣсто инымъ и въ цѣломъ сдѣлать политическое и экономическое положеніе Европы еще болѣе тягостнымъ и запутаннымъ“.

Какъ идеалистъ международнаго права, онъ отрицаетъ, съ точки зрѣнія общечеловѣческихъ интересовъ, основательность даже такихъ причинъ, для объявленія войны, къ какимъ приводитъ борьба за существованіе.

„Цѣлью всей цивилизаціи представляется то, чтобы выше борьбы между людьми изъ-за существованія было бы поставлено ихъ соглашеніе для борьбы противъ жестокаго порабощенія ихъ матеріи“.

Не давая никакого снисхожденія объявляющему войну, не находя никакого оправданія дѣлающему войну „необходимою“, онъ требуетъ подчиненія ея праву, ибо право призвано опредѣлять и направлять всѣ стороны

государственной жизни. Законъ долженъ быть непреложенъ, такъ какъ всѣ государства есть члены Международнаго Союза, направляющія свою дѣятельность для общаго блага. Отъ международнаго права онъ требуетъ не только установленія юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ дѣйствія воюющихъ народовъ, но возлагаетъ на него задачу болѣе тяжелую.

„Войны, говоритъ онъ, часто прикрываются предлогами, которые съ ними ничего не имѣютъ общаго, и на это должна обращать вниманіе наука". Такимъ образомъ, право охватываетъ всю войну, ея проявленія, ея причины и цѣль.

Характерное освѣщеніе права войны мы встрѣчаемъ у Зыкова, автора изданій „Право войны" и „Война и собственность".

Онъ не довольствуется сравненіемъ войны съ борьбою, споромъ, тяжбою.

„Война не тяжба; а приведеніе приговора въ исполненіе. И когда криминалисты добьются, что преступники сами себя будутъ представлять на судъ и исполнять надъ собою его приговоръ, а цивилисты уничтожатъ исполнительные листы,

такъ какъ къ нимъ не придется прибѣгать,— тогда исчезнетъ и война, а съ нею и отдѣльныя государства“.

Отсюда ясны его разноречія съ предыдущими авторами.

Съ одной стороны онъ не утѣшаетъ себя надеждою на достиженіе вѣчнаго мира, съ другой, онъ не ограничивается изученіемъ только отрицательныхъ сторонъ войны.

„Громъ войны заставляетъ очнуться отъ заманчиваго космополитизма, сознать себя гражданиномъ извѣстнаго государства, незначительной величиной, которая существуетъ не для себя одной; и въ этомъ состоитъ нравственное значеніе войны“.

Война никогда не должна ограничиваться одними идеальными стремленіями, такое отношеніе было бы ослабленіемъ государства.

Онъ опираетъ право на силу: „гдѣ нѣтъ права, нѣтъ и силы“, и опредѣляетъ право войны, какъ „право государства увеличивать свои силы пріобрѣтеніемъ и охраненіемъ благъ исключительно своими силами“.

Главною задачею права войны должно

быть увеличеніе, но не уменьшеніе силъ государства.

„Субъектомъ права войны можетъ быть тотъ, кто имѣетъ силы осуществить съ успѣхомъ это право“.

Законы войны не должны являться творчествомъ кабинетовъ юристовъ, „законы войны только тогда жизненны, когда они вытекаютъ изъ права войны“, когда они вырабатываются самою войною.

Главнымъ признакомъ ихъ должно являться не то, что они способствуютъ смягченію жестокости войны, а то, что они сохраняютъ и увеличиваютъ силы той страны, которая ихъ примѣняетъ.

Изъ сказаннаго ясно въ чемъ заключаются заблужденія автора „Право войны“. Онъ называетъ правомъ войны тактическіе пріемы отдѣльныхъ государствъ, способы болѣе успѣшнаго веденія войнъ, выработанныя военной практикой государствъ. Его право войны есть не что иное, какъ простая тактика и въ этомъ его основная ошибка.

Зыковъ утверждаетъ, что „дѣло междуна-

роднаго права—изучать законы войны, выработанные войною, комментировать ихъ, но никакъ не предлагать, не предписывать".

Ясно, что его международное право есть не что иное, какъ международная тактика, международная стратегія, всеобщая военная исторія, все, что хотите, но только не международное право.

Главною задачею международнаго права является урегулированіе взаимоотношеній государствъ для общаго мира, блага и процвѣтанія ихъ, а въ періодъ войны—для установленія справедливости причинъ войны и уравненія способовъ борьбы, устраненія излишнихъ жестокостей, дабы война была истиннымъ испытаніемъ силъ и правъ народовъ. Повторяемъ: задачею международнаго права является не только опредѣленіе закономѣрности дѣйствій воюющихъ, но и опредѣленіе закономѣрности причинъ, поводовъ, коими мотивируется объявленіе войны. Международное право должно рано или поздно завоевать себѣ право требовать и предписывать, чтобы причины войны и дѣйствія воюющихъ точно отвѣчали требо-

ваніямъ предъявленнымъ общегосударственнымъ разумомъ на международныхъ конгрессахъ и конференціяхъ и санкціонированнымъ общегосударственной совѣстью.

Изучать и комментировать пріемы войны, стремиться къ ихъ урегулированію не изучая основательности причинъ, не изучая степени неизбѣжности начала военныхъ дѣйствій—значитъ опирать право только на силу.

Опирать право только на силу, это значитъ отрицать право, приравнивать его произволу.

Мы привели различныя точки зрѣнія русскихъ юристовъ, дабы еще разъ подтвердить къ сожалѣнію справедливое мнѣніе Мартенса: „международное право есть наука будущаго, идеала“.

Законы, вытекающіе изъ международнаго права, обязательные для точнаго ихъ выполненія,—есть также законы будущаго, законы идеала.

Если поводами войны могутъ считаться такіе, какіе нынѣ послужили для объявленія войны Австріею Сербіи, пока будутъ имѣть мѣсто пріемы войны такіе, которыми поль-

зуется современная Германія, до тѣхъ поръ, пока эти недостойные поводы и пріемы не будутъ встрѣчать всеобщаго, всемірнаго открытаго, карающаго виновныхъ протеста, до тѣхъ поръ мы не можемъ говорить, что у насъ есть законы войны, что у насъ есть международное право.

IV

Война въ освѣщеніи русской литературы.

Когда Пушкинъ мечталъ о тихой, безтрепетной жизни, вдали отъ суеты и тревогъ, онъ писалъ:

„Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ чистыхъ и молитвъ“.

Но когда среди безпечныхъ грезъ поэта мелькнулъ грозный и величественный призракъ войны, манящій и увлекающій мирнаго мечтателя изъ глубины его одинокаго покоя туда, гдѣ гремѣли ружья и тяжело вздыхали пушки, куда стремились всѣ, кто жертвовалъ

собою для своей родины, для своего народа, въ эти минуты Пушкинъ зарисовывалъ величественныя картины боя, его вдохновеніе заглушалось вдохновеніемъ его героевъ.

Въ такія минуты Пушкинъ писалъ: „война—это ужасная необходимость, но она даетъ поводъ къ высокимъ подвигамъ, подвигамъ храбрости, самоотверженія, патріотизма“.

Лермонтовъ, будучи офицеромъ, непосредственно участвуя въ походахъ, подъ аккомпанементъ ружейныхъ выстрѣловъ писалъ:

„И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ? Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ воюетъ онъ... Зачѣмъ?“

Этотъ вопросъ не удалось разрѣшить Лермонтову. Но послѣ долгихъ думъ, въ противорѣчіе его грустнымъ сомнѣніямъ, съ его устъ срываются глубокія по содержанію слова: „Я знаю: никогда любовь геройскій мечъ не презирала!“

У Жуковскаго, неизмѣнно мечтавшаго о мирѣ и къ нему призывавшаго, мы находимъ

такой психилогическій портретъ русскаго солдата.

„Солдатъ патріотъ жертвуетъ родинѣ жизнью, онъ убиваетъ потому, что и на полѣ битвы находится для того, чтобы убивать или ранить, но онъ не ненавидитъ, хотя бы даже, возбужденный сраженіемъ, онъ совершалъ иногда звѣрскія дѣла: онъ опьяненъ борьбой, запахомъ пороха, крови. Но какъ скоро сраженіе кончено, онъ становится человѣколюбивымъ, онъ подаетъ напиться раненому. Онъ никогда не убиваетъ хладнокровно, а потому онъ не имѣетъ въ сердце ни малѣйшей ненависти".

Но ошибочное мнѣніе Жуковскаго, что солдатъ находится на полѣ битвы, чтобы убивать вполнѣ опровергнуто, какъ мы увидимъ, Владиміромъ Соловьевымъ.

Жуковскій считалъ преступленіемъ даже войну, вызываемую политическою необходимостью, но дѣлалъ исключеніе для войны защищающей нравственный укладъ и національный строй обороняющагося или обороняющаго государства. Вообще онъ находилъ, что

время завоеваній миновало, что истинное благосостояніе народовъ требуетъ уже не матеріальнаго обогащенія, а богатства нравственнаго и сохраненія правды Божіей.

Но великаго критика Бѣлинскаго не пугаетъ трагедія войны: въ ней онъ видитъ испытаніе силъ народа.

„У каждаго человѣка, говоритъ онъ, есть своя исторія, а въ исторіи свои критическіе моменты: и о человѣкѣ можно судить только смотря по тому, какъ онъ дѣйствовалъ и какимъ онъ являлся въ эти моменты, когда на вѣсахъ судьбы лежала его жизнь, и честь, и счастье. И чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ исторія его грандіознѣе, критическіе моменты ужаснѣе, а выходъ изъ нихъ торжественнѣе и поразительнѣе. Такъ и у всякаго народа— своя исторія, а въ исторіи свои критическіе моменты, по которымъ можно судить о силѣ и величіи его духа, и, разумѣется, чѣмъ выше народъ, тѣмъ грандіознѣе царственное достоинство его исторіи, тѣмъ поразительнѣе трагическое величіе его критическихъ моментовъ и выхода изъ нихъ съ честью и славой побѣды“.

И мы не должны уклоняться отъ этихъ испытаній, не должны избѣгать критическихъ моментовъ, ниспосылаемыхъ судьбою.

Прислушайтесь къ голосу Гоголя, и вы услышите отъ него: „Мы призваны въ міръ вовсе не для праздниковъ и пированій. На битву мы сюда призваны: праздновать же побѣду будемъ тамъ. А потому ни на мигъ не должны мы позабывать, что вышли въ битву и нечего тутъ выбирать, гдѣ поменьше опасностей; какъ добрый воинъ долженъ бросаться изъ насъ всякъ туда, гдѣ пожарче битва. Всѣхъ насъ озираетъ свыше Небесный Полководецъ, и ни малѣйшее наше дѣло не ускользаетъ отъ Его взора. Не уклоняйся же отъ поля сраженія, а выступивши въ сраженіе, не ищи непріятеля безсильнаго, но сильнаго. За сраженіе съ небольшимъ горемъ и мелкими бѣдами не много получишь славы“.

Развѣ не каждый русскій подпишетъ подъ этими словами свое имя, развѣ не каждый русскій скажетъ, что и онъ таковъ.

Но далѣе, Гоголь говоритъ: „Не велика слава для русскаго, сразиться съ миролюбивымъ

нѣмцемъ, когда знаешь впередъ, что онъ побѣжитъ, нѣтъ, съ черкесомъ, котораго все дрожитъ, считая непобѣдимымъ; съ черкесомъ схватиться и побѣдить его—вотъ слава, которою можно похвалиться!"

Теперь не то время: черкесы побѣждены, нѣмцы—нашъ сильнѣйшій врагъ—даютъ поводъ говорить о ихъ непримиримости, жестокости, доходящей до варварства.

Гоголь говоритъ о тѣхъ нѣмцахъ, которыхъ Мюллеръ призывалъ стать націей, о которыхъ Гёте писалъ: „съ горечью думаю о нѣмецкомъ народѣ, который такъ почтененъ въ частности и такъ жалокъ въ цѣломъ".

Теперь нѣмцы стали націей, пробужденной своими передовыми мыслителями, проявивъ вновь всю полноту тевтонскаго духа. Ихъ миролюбіе—ихъ маска, но не свойство души.

Глубочайшимъ психологомъ среди русскихъ писателей является Достоевскій. Кто такъ глубоко задумывался надъ человѣческой душой, кто такъ много страдалъ самъ, какъ авторъ „Мертваго Дома" и „Преступленія и

Наказанія“ и, тѣмъ не менѣе, Достоевскій видитъ въ войнѣ великое проявленіе человѣческой мощи.

„Повѣрьте,—говоритъ онъ,—что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если не во всѣхъ почти (кромѣ развѣ войнъ междоусобныхъ) война есть процессъ, которымъ именно съ наименьшимъ пролитіемъ крови, съ наименьшей скорбію и съ наименьшей тратой силъ, достигается международное спокойствіе и вырабатываются, хоть приблизительно, сколько-нибудь нормальныя отношенія между націями. Разумѣется это грустно, но что же дѣлать если это такъ.

Ему возражаютъ, что война приноситъ несчастіе, что она несетъ смерть, слезы, разореніе, пробуждаетъ озвѣреніе.

А онъ отвѣчаетъ: „Да, война, конечно, есть несчастіе, но много тутъ и ошибокъ въ разсужденіяхъ этихъ, а главное—довольно ужъ намъ этихъ буржуазныхъ нравоученій! Подвигъ самопожертвованія кровью своей за все то, что мы почитаемъ святымъ, конечно, нравственнѣе всего буржуазнаго катехизиса. Подъемъ духа націи, ради великодушной

идеи—есть толчокъ впередъ, а не озвѣреніе... Лучше разъ извлечь мечъ, чѣмъ страдать безъ срока“.

Достоевскаго не прельщаютъ благодѣянія мира. „Долгій миръ всегда родитъ жестокость, трусость и грубый ожирѣлый эгоизмъ, а главное—умственный застой... Налажено, что долгій миръ родитъ богатство,—но вѣдь лишь десятой доли людей, а эта десятая доля, заразившись болѣзнями богатства, сама передаетъ заразу и остальнымъ девяти десятымъ, хотя и безъ богатства. Заражается же она развратомъ и цинизмомъ. Отъ излишняго скопленія богатствъ въ однѣхъ рукахъ рождается у обладателей богатствъ грубость чувствъ. Чувство изящнаго обращается въ жажду капризныхъ излишествъ и ненормальностей. Страшно развивается сладострастіе. Сладострастіе родитъ жестокость и трусость... Жестокость родитъ усиленную, слишкомъ трусливую, заботу о самообезпеченіи. Эта трусливая забота о самообезпеченіи, всегда въ долгій миръ, подъ конецъ обращается въ какой то паническій страхъ за себя, сообщается всѣмъ

слоямъ общества, родитъ страшную жажду накопленія и пріобрѣтенія денегъ. Теряется вѣра въ солидарность людей, въ братство ихъ, въ помощь общества, провозглашается громко тезисъ: „всякій за себя и для себя"; бѣднякъ слишкомъ видитъ—что такое богачъ и какой онъ ему братъ, и вотъ всѣ уединяются и обособляются".

И если общество нездорово, нормальность взаимоотношенія его членовъ нарушена, то миръ, по мнѣнію Достоевскаго, превращается во вредъ всему обществу.

Достоевскій разбиваетъ сторонниковъ мира, указывающихъ, что благодѣянія мира рождаютъ искусство. Если искусства и развиваются, то, по его мнѣнію, во время мира такъ только потому, что они идутъ въ разрѣзъ съ грузнымъ и порочнымъ усыпленіемъ душъ, потому, что имъ приходится претерпѣвать борьбу; и этой борьбою, и только ею, искусства и развиваются.

Но не всякая война находитъ сочувствіе Достоевскаго, а только война, стремящаяся къ великой и справедливой цѣли, достойной великой націи. Война изъ за жалкихъ бир-

жевыхъ интересовъ, изъ за ненасытнаго стремленія къ накопленію богатствъ, изъ за новыхъ рынковъ, потребныхъ эксплуататорамъ, изъ за пріобрѣтенія новыхъ работъ, нужныхъ обладателямъ золотыхъ мѣшковъ, не является войною самосохраненія и свидѣтельствуетъ о больномъ состояніи націи.

Такіе „интересы и войны за нихъ предпринимаемыя развращаютъ и даже совсѣмъ губятъ народы, тогда какъ война изъ за великодушной цѣли, изъ за освобожденія угнетенныхъ, ради безкорыстной и святой идеи,— такая война лишь очищаетъ зараженный воздухъ отъ скопившихся міазмовъ, лѣчитъ душу, прогоняетъ позорную трусость и лѣнь, объявляетъ и ставитъ твердую цѣль, даетъ и уясняетъ идею, къ осуществленію которой призвана та или другая нація".

Особнякомъ къ русской литературѣ стоитъ имя графа Л. Н. Толстого, какъ непримиримаго врага войны, изъ какихъ бы причинъ она не вытекала, къ какой бы цѣли она не стремилась.

Это одиночество, несомнѣнно, чувствовалъ

и самъ графъ Толстой, когда по прочтеніи книги „Война во мнѣніяхъ передовыхъ людей“, онъ писалъ автору, что нашелъ въ ней новое, хотя и много занимался этими вопросами.

Смотря на войну съ объективной точки зрѣнія, онъ находилъ, что „война—шахматная игра съ тою только маленькою разницей, что въ шахматахъ надъ каждымъ шагомъ можно думать сколько угодно, что тамъ играющій—внѣ условій времени, и еще съ той разницей, что конь всегда сильнѣе пѣшки и двѣ пѣшки всегда сильнѣе одной, а на войнѣ одинъ баталіонъ иногда сильнѣе дивизіи, а иногда слабѣе роты“.

Онъ полагаетъ, что цѣль войны—только убійство, что война противна всей человѣческой природѣ и человѣческому разуму, что она противорѣчитъ христіанству, что „борьба вызываетъ страсти и убиваетъ истину“. Между христіанскими народами онъ отрицаетъ какіе бы то ни было поводы къ войнѣ.

„Границы государства должны опредѣляться не мечомъ и кровью, а разумнымъ соглашеніемъ народовъ“.

Таково міровоззрѣніе великаго русскаго мыслителя. Являясь во всѣхъ иныхъ вопросахъ реалистомъ, графъ Толстой дѣлаетъ для войны исключеніе и на нее смотритъ съ точки зрѣнія идеалиста. Но его идеализмъ не воинственный идеализмъ Канта, а тихій идеализмъ русскаго помѣщика, ушедшаго отъ суеты людской.

Рядомъ съ нимъ стоитъ второй русскій мыслитель Владиміръ Соловьевъ, въ философскомъ міровоззрѣніи котораго война отражается совершенно иными тонами.

Владиміра Соловьева не пугаетъ убійство на войнѣ. „Вообще война, говоритъ онъ, какъ столкновеніе собирательныхъ органовъ (войскъ), не есть дѣло единичныхъ лицъ, пассивно въ ней участвующихъ, и съ ихъ стороны возможное убійство есть только случайное".

„Всякое убійство есть безусловное зло, война есть убійство; слѣдовательно, война есть безусловное зло. Силлогизмъ—первый сортъ... но при убійствѣ зло состоитъ не въ физическомъ фактѣ лишенія жизни, а въ нравственной причинѣ этого факта, именно въ злой волѣ убивающаго".

Онъ вѣнчаетъ солдата не за то, что тотъ идетъ убивать, а за то, что онъ самъ идетъ насмерть за другихъ. „Отнятіе человѣческой жизни вообще не входитъ непремѣнно въ намѣренія воина, не есть его настоящее дѣло, и, конечно, мы уважаемъ военную доблесть не за совершаемыя на войнѣ убійства, а несмотря на эти убійства. Но ихъ можетъ и вовсе не оказаться, а доблесть и уваженіе къ ней останутся тѣ-же“.

Цѣль войны, по мнѣнію Соловьева, не убійство, какъ полагаетъ Толстой, „Цѣль войны—безопасность“.

Онъ не предпочитаетъ вообще ни войну миру, ни миръ войнѣ: все зависитъ отъ того, каковъ миръ и какова война. Онъ не находитъ войну абсолютнымъ зломъ, какъ считаетъ ее графъ Толстой, не представляетъ ее и явленіемъ вполнѣ нормальнымъ, но не отрицаетъ ея реальной необходимости при нѣкоторыхъ условіяхъ.

Смотря на войну съ точки зрѣнія философа и съ точки зрѣнія юриста, онъ говоритъ:

„Безусловно неправо только само начало зла и лжи, а не такіе способы борьбы съ нимъ, какъ мечъ воина или перо дипломата: эти орудія должны оцѣниваться по своей дѣйствительной цѣлесообразности въ данныхъ условіяхъ, и каждый разъ то изъ нихъ лучше, котораго приложенія умѣстнѣе, то есть успѣшнѣе служатъ добру“.

Болѣе того, Владиміръ Соловьевъ громко заявляетъ, что „война есть для народовъ реальная школа любви къ врагамъ“.

Да и вражда ли война?

„Злой звѣрь въ человѣкѣ враждуетъ со всѣми и въ мирное время, а для настоящаго человѣка и война, разъ она вызвана необходимостью, открываетъ поприще истинно нравственнаго отношенія не только къ своимъ, но и къ непріятелю,—побуждаетъ не только полагать душу за други своя, но и любить враговъ“.

Война, по его мнѣнію, внушаетъ человѣку необходимость жертвовать собою для общаго дѣла, а безъ этого сознанія не можетъ вообще свершаться ничего великаго. Война не разоб-

шаетъ воюющія государства, но приводитъ къ сближенію противниковъ, къ взаимному ихъ проникновенію, не расшатываетъ, но упрочиваетъ государственный организмъ.

Владиміръ Соловьевъ не видитъ въ войнѣ противорѣчія христіанскому духу.

„Можно, говоритъ онъ, допускать употребленіе человѣкомъ оружія для войны и все, что съ этимъ связано, нисколько при этомъ не измѣняя духу Христову, а напротивъ, одушевляясь имъ,—и точно также можно на словахъ и на дѣлѣ безусловно отрицать всякое вооруженное или вообще принудительное дѣйствіе и въ самомъ отрицаніи безсознательно и даже сознательно измѣнять духу Христову и отчуждаться отъ него. Люди, вѣрные этому духу, руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ не какимъ-нибудь внѣшнимъ, хотя бы и евангельскимъ, предписаніемъ, а внутреннею оцѣнкою, по совѣсти, даннаго жизненнаго положенія“.

Защитивъ идею войны, Соловьевъ высказываетъ глубоко ошибочное убѣжденіе, что духъ воинственности переходитъ съ поля битвы

въ парламенты, что „военный періодъ исторіи кончился". Это ошибочное убѣжденіе привело его къ столь же ошибочному выводу.

„Я твердо увѣренъ, пишетъ Соловьевъ, что ни мы, ни наши дѣти большихъ войнъ,—настоящихъ европейскихъ войнъ—не увидимъ, а внуки наши и о маленькихъ войнахъ,—гдѣнибудь въ Азіи или Африкѣ—также будутъ знать только изъ историческихъ сочиненій".

Поскольку ошибоченъ этотъ выводъ—говоритъ современная Война Народовъ.

Допуская войну, защищая ея идею, Владиміръ Соловьевъ, какъ указано нами выше, не считаетъ ее явленіемъ нормальнымъ.

„Мирное, то есть для всѣхъ выгодное улаженіе всѣхъ международныхъ отношеній и столкновеній—вотъ незыблемая норма здравой политики въ культурномъ человѣчествѣ".

Широкой разработкѣ подверглись идеи войны и мира въ школѣ нашихъ славянофиловъ.

И. С. Аксаковъ писалъ о русскомъ духѣ:

„О чудный миръ земли родной,
Какъ полонъ правды ты разумной!
Великій миръ, родимый миръ!
Ты бодръ и мощенъ, какъ стихія...

Твоей лишь правдою Россія
Преодолѣть возможетъ міръ
И свергнуть идолы чужіе!“

Богъ движетъ человѣчествомъ — такова основная мысль славянофиловъ. Сторонники мира, они, въ то же время, являются безпристрастными критиками войны.

Но война, защищающая угнетенныхъ, война, защищающая національные устои страны, народную вѣру, война, отвѣчающая исконнымъ стремленіямъ русскаго духа, пробуждаетъ въ нихъ самое горячее сочувствіе.

„Защитительная война, пишетъ Аксаковъ,— дѣло не только чести, но что всего важнѣе, и совѣсти народной. Совѣсть зоветъ и поднимаетъ ее на брань; она-то творитъ это дивное священнодѣйствіе сердецъ, проявляющееся въ любви, самопожертвованіи, молитвѣ, на всемъ необъятномъ пространствѣ нашей земли. Эта война ея духу потребна; эта война за вѣру Христову; въ освобожденіе порабощенныхъ и угнетенныхъ; эта война праведная, эта война подвигъ святой, великій, котораго сподобляетъ Господь Святую Русь“.

Хомяковъ, этотъ глубокій сердцевѣдъ, одинъ изъ основателей славянофильской школы, точно, ясно и неоспоримо характеризуетъ отношенія русскаго народа къ войнѣ:

„Кровь человѣческая драгоцѣнна, говоритъ Хомяковъ, война ужасна; но Божіи рѣшенія неисповѣдимы, и долгъ долженъ быть совершенъ, какъ бы тяжелъ онъ не былъ... Русскій народъ вовсе не помышляетъ о завоеваніяхъ; въ завоеваніи не было для него никогда ничего соблазнительнаго. Русскій народъ вовсе не помышляетъ о славѣ: этимъ чувствомъ никогда не загоралось его сердце“.

Заключеніе.

Императоръ Вильгельмъ I, объединитель Германіи, умирая, завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ „никогда не ссориться съ Россіей“.

Онъ зналъ, что Европа, по мѣткому выраженію его фельдмаршала Мольтке „стояла на пороховой минѣ, и достаточно искры, чтобы произвести взрывъ“.

Внукъ нарушилъ завѣтъ дѣда и тѣмъ самымъ принялъ на себя всю тяжесть отвѣтственности за настоящую войну.

Грозною силою сошлись два міра Германскій и Славянскій.

Русскій народъ спокойно ждалъ этого суднаго дня, но нѣмцы съ тревогою всматривались въ грядущее.

Изъ глубины нѣмецкой націи, пробужденной Реформаціею и подавленной милитаризмомъ доносилось робкое опасеніе. Нѣмцы чуяли, что ихъ родина вступила на ложный путь, что по этому пути она повела за собою Европу къ роковой катастрофѣ, но не нашли въ себѣ ни силъ, ни воли, чтобы измѣнить его.

Мы знаемъ, какое вліяніе имѣла нѣмецкая философія на развитіе воинственнаго духа германскихъ народовъ.

Резюмируя и дополняя сказанное, важно замѣтить, что даже такіе представители натуралистическаго идеализма начала XIX вѣка, какъ Шеллингъ, Ниблеръ, Геннеръ, Баадеръ и др., во многомъ расходившіеся съ Кантомъ, были солидарны съ нимъ воодушевленіемъ воинствующимъ національнымъ духомъ.

То же самое необходимо сказать о сторонникѣ абсолютизма, авторѣ „Міръ какъ воля и представленіе" Шопенгауерѣ и въ особенности о Фихте, горячо призывавшемъ нѣмцевъ бороться съ иноплеменнымъ вліяніемъ и имѣвшемъ исключительное вліяніе на психологію нѣмцевъ. Фихте лицемѣрно спра-

шивалъ: „гдѣ отечество просвѣщеннаго европейца христіанина?“ И сейчасъ же отвѣчалъ: „вообще Европа, а въ особенности, въ каждую эпоху то государство, которое стоитъ во главѣ цивилизаціи“, —и, конечно, немедля, это первенство отдавалъ Германіи.

Тою же воинственностью отличалась и богословская школа германскихъ философовъ въ лицѣ Галлера, Адама Мюллера, Шлегеля и Генца, составителя протоколовъ Вѣнскаго и др. конгрессовъ. Интересно замѣтить, что такой вдохновенный сторонникъ войны, какъ Адамъ Мюллеръ, всматриваясь съ тревогою въ грядущее Европы, писалъ: „Мнѣ всегда вѣрится, что Европа будетъ спасена русскою рукою“.

Знаменитый философъ Гегель, со взглядами котораго на войну мы уже ознакомились, сторонникъ германскаго абсолютизма, преданно служившій Фридриху и его сыну Вильгельму положительно благоговѣлъ предъ геніемъ Наполеона I и его завоевательными успѣхами.

Увидавъ впервые Наполеона послѣ сраженія при Іенѣ, въ 1806 году, онъ выска-

залъ свои впечатлѣнія въ письмѣ къ Нитгаммеру. Гегель писалъ: „Императора—эту міровую душу—я видѣлъ выѣзжавшаго верхомъ черезъ городъ для рекогносцировки. Удивительное въ самомъ дѣлѣ ощущеніе видѣть такого индивидуума, который здѣсь, сосредоточенный на одномъ пунктѣ, сидя на лошади, охватываетъ міръ и господствуетъ надъ нимъ".

Геній Наполеона переродилъ душу Гегеля, превратилъ его не только въ сторонника германскаго абсолютизма, но и въ горячаго проповѣдника германской обособленности.

Такими же представителями германской обособленности являлись и представители исторической школы: Нибуръ, Гнейстъ, Фридрихъ фонъ Савиньи и др.

Прибавьте къ этому воинственное настроеніе германскихъ поэтовъ, начиная съ Шиллера и Кёрнера и кончая современными нѣмецкими поэтами, германской литературы—общей, юридической и тѣмъ болѣе военной, и передъ вами ясно обрисуется душа германскаго народа.

Война для увеличенія государственной тер-

риторіи, война для захвата чужихъ имуществъ, война для новаго вооруженія, для изысканія новыхъ источниковъ доходовъ за счетъ другихъ народовъ въ видахъ содержанія еще большей арміи, изготовленія еще большаго количества наиболѣе разрушительныхъ орудій войны, война для удовлетворенія національнаго тщеславія, національной воинственности, война для войны—вотъ, чѣмъ былъ одушевленъ Германскій міръ, вотъ чѣмъ онъ воодушевленъ теперь.

Война для сохраненія національныхъ правъ, для сохраненія государственной территоріи, война для защиты угнетенныхъ, война для всеобщаго разоруженія, война для удовлетворенія миролюбивыхъ стремленій, война для возстановленія попранной справедливости, война для мира—вотъ, чѣмъ былъ одушевленъ всегда, какъ и нынѣ, Славянскій міръ.

Отсюда ясно, что именно Славянскій міръ былъ главною преградою развитія разрушительныхъ стремленій германцевъ.

Вотъ почему Россія, величайшая представительница славянскихъ державъ, издавна явля-

лась страною, для которой точились германскіе мечи и отливались германскія пушки, которая выбиралась предметомъ жестокихъ и несправедливыхъ упрековъ и клеветы, направляемыхъ Германіею.

И въ чемъ только не обвиняли Россію!

Насъ именовали „варварами“, когда германскимъ народамъ издавна было извѣстно имя перваго русскаго побѣдителя нѣмцевъ Александра Невскаго, доказавшаго всему міру, всею свою жизнью, что „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“.

Насъ упрекали за то, что отдѣлили отъ Швеціи Финляндію, а вѣдь это было въ интересахъ Финляндіи, насъ упрекали за то, что мы принимали всѣ мѣры для возрожденія финской національности, но не сумѣли дать жизнь растенію, не имѣвшему корней, судьбою обреченному отцвѣтанію, что, во время присоединенія Финляндіи, признавала сама и западная печать.

Насъ упрекали за то, что присоединили часть Польши, когда раздѣлъ страны Пястовъ и Ягеллоновъ произошелъ по почину Германіи и Австріи, когда мы были въ дѣйствительности виновны только въ томъ, что въ

интересахъ Польши не присоединили ее всю за сто лѣтъ до раздѣла.

Насъ упрекали за то, что пренебрегая національностью прибалтійскаго края, остзейскихъ провинцій, примкнули вновь къ Россіи древній городъ Юрьевъ, основанный еще Ярославомъ, но временно захваченный нѣмцами и переименованный въ Дерптъ, за то, что „культурныя“ болота Швеціи, разорявшей русскія земли, превратили въ „некультурную“ столицу Россіи.

Насъ упрекали за то, что спасли отъ турецкаго ига Бессарабію, славянскіе народы Болгаріи, Сербіи, и Черногоріи, что внесли свѣточъ въ разбойничій Кавказъ и озарили культурою Кубанское, Ширванское, Коканское, Бакинское, Хивинское и Бухарское ханства, за то, что два съ половиною вѣка тому назадъ, внимая мольбѣ Запорожья и Грузіи, приняли и ихъ подъ свою защиту.

Мы виноваты за войну 1812 года: какъ смѣли мы не склониться предъ тѣмъ императоромъ, у котораго на запяткахъ стояли германскіе короли.

И всѣ эти обвиненія создавались Австріей и Германіей, которыя въ 1864 году, напавъ на Данію, отняли у этого культурнаго, просвѣщеннѣйшаго государства болѣе трети его территоріи, нарушивъ всѣ обычаи цивилизованныхъ странъ, всѣ нравственныя требованія международнаго права, нарушивъ ими же подписанный лондонскій международный договоръ.

Такому же насилію подвергались и подвергаются нынѣ Эльзасъ и Лотарингія. Такому же варварскому разгрому подверглась нынѣ при германскомъ вторженіи беззащитная Бельгія.

Въ первой половинѣ XIX вѣка представители славянофильской школы—Самаринъ, Хомяковъ, Аксаковы и Кирѣевскіе, подробно изучивъ развитіе германскаго духа, сопоставляли его со славянскимъ, и уже тогда указывали на грозящую опасность, уже тогда предсказывали неминуемую боевую встрѣчу двухъ міровъ, тогда-же искали и разъясняли способы предупрежденія роковой развязки.

Но если полъ вѣка тому назадъ они

оставались не достаточно понятыми, то теперь ихъ пророчества ясны не только для насъ, русскихъ, но и для всей Европы.

Какъ только германскія войска подняли боевыя знамена—всѣ великія державы сознали, что право на сторонѣ славянъ, и тѣ націи, чистыя стремленія которыхъ были направлены къ миру, не замедлили примкнуть къ Россіи

Германскій міръ надвинулся грудью на міръ Славянскій не для того, чтобы съ мечомъ въ рукѣ подписать новый торговый договоръ, а для того, чтобы, наконецъ, осуществить свои завѣтныя стремленія: чтобы разъ навсегда завоевать себѣ первенство надъ цѣлымъ міромъ, сломивъ главное препятствіе стремленіямъ своего духа — Россію и раздвинуть свою территорію за счетъ другихъ державъ.

Отсюда ясны тѣ цѣли, которыя настоящая война народовъ намѣчаетъ прежде всего для Россіи, дабы не ею начатая война была окончена ею и ея союзниками, дабы не ею нарушенныя права государствъ были возстановлены, не ею разоренныя страны были вазнаграждены

ею и по ея почину ея союзниками, дабы не по ея винѣ окованная милитаризмомъ Европа была по ея почину разоружена.

Настоящая война должна разъ навсегда положить предѣлъ распрѣ германскаго міра и славянскаго, выяснить истинное величіе ихъ силъ, опредѣлить достойное ихъ нравственныхъ силъ и стремленій положеніе во вселенной, указать грядущимъ поколѣніямъ или путь рабскаго милитаризма, путь вражды, или путь свободнаго, мирнаго преуспѣянія націй.

Достойнымъ окончаніемъ войны не должно считаться подписаніе мира, предложеннаго воюющими съ нами державами или сохранившими нейтралитетъ, если условія этого мира не вполнѣ исчерпаютъ цѣль войны, которую намѣчаютъ Россіи общечеловѣческіе интересы, диктуемые русской совѣстью.

Было время, когда славянофилы мечтали о соединеніи всѣхъ славянъ—сербовъ, чеховъ, словаковъ, словенцевъ, хорватовъ, болгаръ, галичанъ и зарубежныхъ поляковъ, подъ скипетромъ русскаго царя, когда славянофилы чаяли великаго дня, въ который Всероссійскій

царь, склонясь предъ престоломъ Всевышняго, всталъ бы царемъ Всеславянскимъ.

Тогда это были мечты славянофиловъ, теперь это стало потребностью нашихъ братьевъ-славянъ: въ этомъ залогъ ихъ культурнаго развитія, въ этомъ залогъ ихъ благосостоянія, ихъ жизни.

На Россіи лежитъ обязанность не только защищать угнетенныхъ братьевъ-славянъ, но обезпечить имъ правовое безопасное существованіе и процвѣтаніе на грядущіе вѣка.

Этого требуетъ не только настоящее Сербіи, Галиціи, зарубежной Польши, этого требуетъ ихъ исторія послѣднихъ двухъ вѣковъ, этого требуетъ ихъ будущее.

На нашихъ юристахъ, дипломатахъ и государственныхъ дѣятеляхъ лежитъ неотложная обязанность выработать условія и форму сліянія славянскихъ народовъ, не нарушая ничьихъ національныхъ правъ.

Будетъ ли Россія Всеславянскою Имперіею, или старшею сестрою Всеславянскаго Союза — это выяснитъ будущее; но сліяніе всѣхъ славянскихъ народовъ въ одно цѣлое, обведеніе

ихъ общею государственною границею требуетъ каждое чистое славянское сердце.

Богъ сподобилъ насъ дожить до величайшихъ дней исторіи міра.

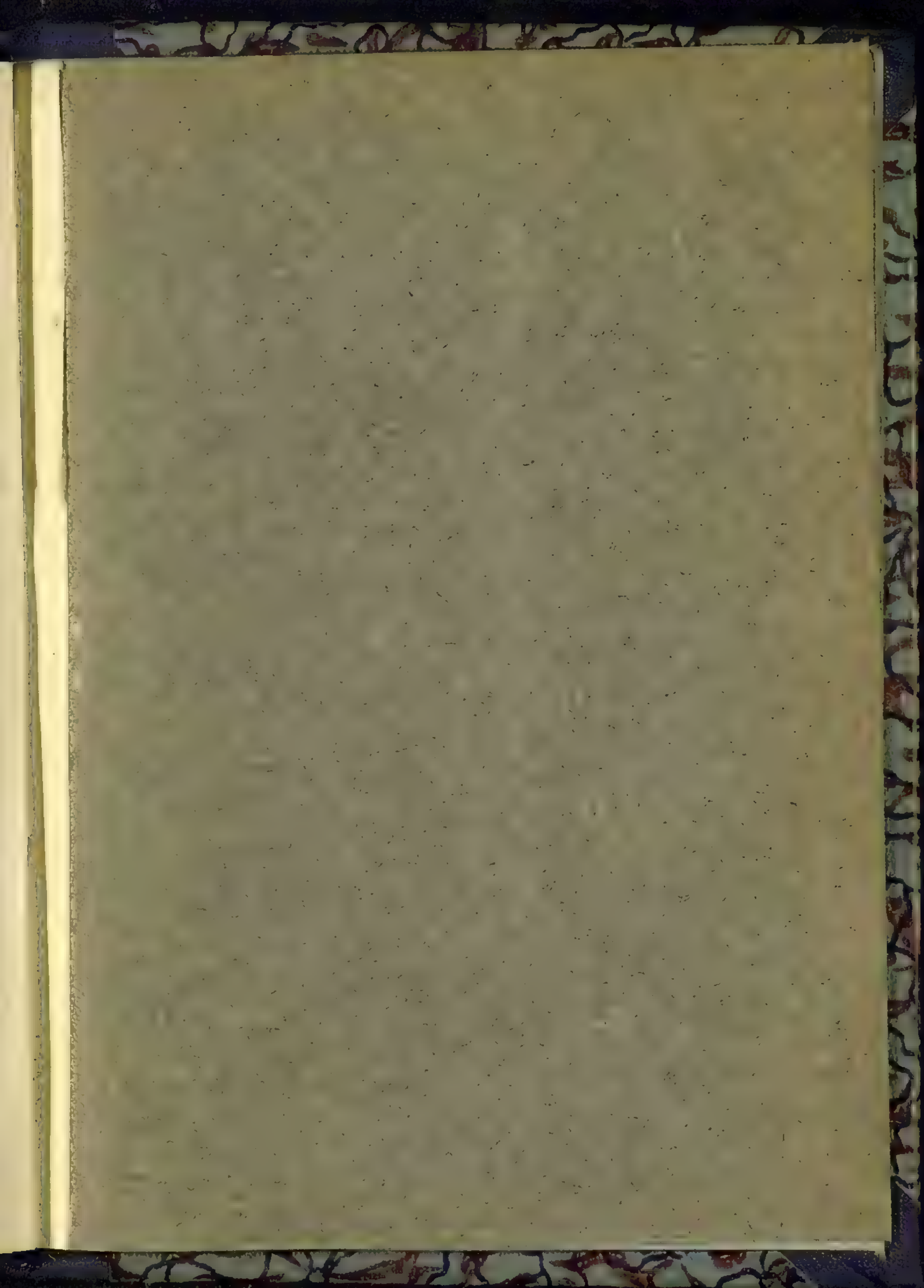
Могучій національный подъемъ славянскаго духа, благословляемый рукою Всевышняго, творитъ великое, святое, общечеловѣческое дѣло.

Да будетъ эта великая Война Народовъ славнѣйшею и послѣднею войною человѣчества, разоружившею Германскій міръ и объединившею міръ Славянскій для замѣны мира вооруженнаго миромъ культурнаго преуспѣянія вселенной.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 1 р.

Складъ изданія: Книжный магазинъ Губинскаго, Владимірскій пр. № 7.

